

A movie poster for the film 'Forbidden Love'. The background is a forest with trees in shades of orange and yellow, suggesting autumn. A man with dark hair and a serious expression is on the left, and a woman with long, wavy brown hair and a tearful expression is on the right. A circular pattern of barbed wire is superimposed over the scene. The bottom of the poster has a metallic, riveted texture.

ВЛАДИСЛАВ
АВДЕЕВ

~~ЗАПРЕТНАЯ~~
ЛЮБОВЬ

Владислав Авдеев
Запретная любовь

«Бичик»

2017

Авдеев В. И.

Запретная любовь / В. И. Авдеев — «Бичик», 2017

ISBN 978-5-7696-5195-3

Они любили друг друга наперекор всему – коммунист и ссыльнопоселенка, якут и немка. Ни тюрьма, ни лагерь не могли сломить их. Эта трагическая история любви читается на одном дыхании и никого не оставит равнодушным.

ISBN 978-5-7696-5195-3

© Авдеев В. И., 2017

© Бичик, 2017

Авдеев Владислав Иванович

Запретная любовь

Село, в котором произошла эта история, расположилось на высоком берегу, там, где в Лену впадает речка Красная. О речке можно сказать, что получила она свое название из-за красной глины, покрывавшей ее дно, от этого и вода кажется красноватой. На самом деле она прозрачна и чиста, и приятна на вкус. А еще она вылечивала от зоба, распространенной на Лене болезни, о ней писал еще Короленко.

Чуть ниже устья Красной, посреди Лены, тянулся остров Смородичный, и когда на Лене и Красной совпадали ледоходы, возле острова обязательно образовывался затор. Вода в реке стремительно прибывала – буквально бежала в гору, и вскоре село превращалось в остров. Через неделю, а то и раньше, вода, так же стремительно, убегала, оставляя вокруг села ледяные поля, на радость ребятишкам, целый день не вытаскивающим изо рта отслаивающиеся с легким, хрустальным звоном льдинки.

Но этой весной, весной сорок шестого года, Красная очистилась ото льда раньше, чем пошел ледоход на Лене, и ничто не мешало могучей реке. Льдины с шумом и треском взгромождались друг на друга, обгоняли, сталкивались, выпихивали слабых на берег. На некоторых остались следы дорог – эта шла к проруби, а вот по этой ездили на остров или на ту сторону за сеном. И невольно представлялись люди, что ехали в мороз, закутавшись в тулупы. И неважно, из какой деревни, ближней или дальней, все мы были как бы родственники по Лене, и охватывало чувство единения. . . Как сказал один умный человек, все наши деревни нанизаны на Лену, как бусины бисера на нить. А все эти отметины на льдах были как письма: мы живы, здоровы, чего и вам желаем. Иногда, обычно в сильное наводнение, мимо проносило дома, сараи и бани, заборы, и все сочувствовали пострадавшим и гадали, кому так не повезло.

Ледоход – есть ли на свете еще такое же захватывающее зрелище? Кажется, река уносит все твои горести и печали, а в душу входит что-то новое, светлое, очищающее, и появляется надежда – впереди будет только хорошее. В детстве мы всегда убегали с уроков, только слышав гул ледохода, и это было ненаказуемо. Да и взрослые на время отрывались от дел и выстраивались на косогоре. Редко кто мог усидеть в такое время дома.

Так и в эту весну все дружно высыпали на улицу. Наблюдали ледоход и стоявшие на крыльце сельповского магазина. Представляли они собой очень и очень живописную группу. В середине, в красной рубашке и черных брюках, молодой якут, Алексеев Гавриил Семенович, председатель сельпо, на селе его звали ласково – Ганя. По краям, словно сошедшие с картины Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», два грузчика-бугая. Слева Адам в синей косоворотке и в таких же широченных шароварах, заправленных в сапоги, пояс перетянут красным кушаком – длиной он в несколько метров и служит для того, чтобы при тяжелом труде «не развязался пупок». Был Адам неимоверной силы, спокойно носил по три мешка, а еще много лет молчал. Немым он был не всегда. Виновата его жадная до денег жена – не давала ему не только на водку, но и на табак. Адам подрабатывал еще и сторожем, но и эти деньги перекочевывали в карман благоверной. Однажды в магазине начали перебирать печь и отверстие от трубы на ночь закрыли брезентом. Адам утром сдал смену старому якуту Слепцову и вроде бы ушел. А сам спустился через отверстие в потолке в магазин и – к ящику с водкой. Слепцов услышал шум, подошел неслышно и спросил: «Адам, ты что, не ушел еще?» У Адама, впервые в жизни решившегося на воровство, было такое внутреннее напряжение, что от испуга он онемел. И сделался после этого совершенно другим человеком, сторожить перестал, а жене давал денег столько, сколько считал нужным. Шли годы, а он все молчал. Местный юморист Серкин даже высказал догадку, мол, Адам давно может говорить, но молчит специально:

– И правильно делает, в нашей стране только молчунам и жить.

Слова эти кто-то передал куда надо, и Серкина увезли в райцентр. Вернулся он лишь через несколько лет и заделался таким же молчуном, как и Адам.

Справа от Алексеева возвышался Николай Соловьев, косоворотка и шаровары у него стального цвета, а вот кушак алел, как и у Адама. Николай вернулся первым из ушедших на фронт, у него нет левой руки по локоть, но это не мешает ему работать грузчиком, он и одной рукой перетаскает больше, чем другие двумя.

А вскоре на крыльце появилась продавщица Новоселова в белой кофте и зеленой плисовой юбке. Покупателей нет, можно и на ледоход поглазеть. Она первая и увидела мечущуюся на льдине собаку и закричала:

– Ой, смотрите, смотрите! Собака!

Тут и остальные заметили растерянно бегающего по льдине щенка черной масти. И дружно заохали, когда льдина, под напором соседки, раскололась на несколько частей, и щенок заметался на небольшом пятачке. Громче всех охала Новоселова и закрывала ладонями глаза в особо опасные для щенка моменты. И вдруг Алексеев сбежал с крыльца и помчался к реке... с разбега он запрыгнул на ближайшую льдину, с нее на другую, третью... добрался до той, где был испуганный щенок, схватил его на руки и вроде бы удачно начал обратный путь, но... Но все изменилось в одно мгновение, огромная льдина ударила в ту, на которой находился смельчак с собакой, и лишила Алексеева возможности перепрыгнуть поближе к берегу. Наоборот, расстояние до спасительной суши увеличивалось...

– Мужики, чего стоите? Утонет ведь Ганя, – Новоселова в страхе прижала ладони к щекам.

Николай с Адамом дружно рванули с крыльца, за ним гурьбой сыпанули ребятишки...

Опасность состояла еще и в том, что на берег надо было выбраться до устья Красной, иначе унесет к Смородичному, где льдины делились на два потока, ломая и круша друг друга. Это понимал и Алексеев, и бегущие по берегу...

Льдины под напором более мощных, меняли местоположение, и та, на которой находился Алексеев с щенком, была отодвинута соседкой поближе к берегу, и Алексееву удалось перепрыгнуть на другую, потом еще на одну... А устье Красной уже рядом, старица, пересыхающая летом, перла мощным потоком и, подхватив льдину с Алексеевым, потащила на середину реки. Алексеев спрыгнул и поплыл, загребая одной рукой, а другой держа щенка. А на них уже несло ледяное поле... Николай, видя это, кинулся в реку, там, где Алексеев не доставал ногами дна, Николаю вода была по грудь, и он, подхватив Алексеева с собакой, успел вытащить их из реки за мгновение, как поле врезалось в берег и пропахало его метров на десять, собирая в кучу галечник... Подбежавшие мужики посоветовали:

– Одежду выжмите, хоть и тепло, а простыть можно.

Николай уже без их совета скинул сапоги, шаровары, косоворотку, трусы, что дало повод для шуток:

– Ты посмотри, какую дуру вырастил. То-то Нина Бурмашова возле его дома трется.

– Короче, желающих хватает. Гуртом ходят.

– Вы языки-то попридержите, ребятишки рядом. Лучше отжать помогите.

– Ганя, а вы чего в трусах? Мы и отвернуться можем.

После того, как Алексеев и Николай облачились в отжатую одежду, все внимание перешло к щенку, был он черной масти с белыми полосками над бровями. Один из присоединившихся мужчин сказал:

– Четырехглазая собака. У нас, в Архангельске, говорят: такая собака чует и нечистую силу.

– У нас тоже, – удивился Алексеев. – Значит, и в самом деле что-то есть.

– И как на льдину попал?

– Поди, с ребятишками бегал, а льдину унесло.

- Не дай Бог, что с пацанами случилось.
- Убежали, льдина крепкая была.
- На Ганю-то как смотрит, сразу за хозяина признал.
- Собака, она как человек, все понимает.
- Это точно. Как назовете щенка?
- Модун.
- Что это означает?
- Могучий.
- Хорошее имя. Ему подходит. Вон, лапы какие крупные.

В этот день только и разговоров было, что о спасенном щенке. Одни завидовали Николаю, как же, спас самого председателя сельпо, будет теперь как сыр в масле кататься. Другие возражали – не такой Ганя человек, чтобы кому-то что-то по благу давать. Да и Николай – он подачек не любит, фронтовик, самостоятельный человек. Однако, и те и другие дружно хвалили Алексева и Николая. Но нашелся человек, который думал иначе – Леонид Мартынович Ножигов.

Ножигов прибыл в их село осенью сорок второго вместе со спецпереселенцами – немцами с Поволжья. Сельчан не удивило, что среди них были старики, старухи и маленькие дети, они такое уже видели, когда шло раскулачивание. Немцев привезли для работы на открывающемся лесоучастке. Собственно, они и должны были его открыть, не было даже барачков для жилья, и пришлось сразу валить лес и строить жилье. Трудность состояла еще и в том, что прибывшие в большинстве своем были женщины, на них и легла основная тяжесть. К концу дня они от усталости едва передвигали ноги, а надо было еще что-то сварить, накормить детей и стариков... Якутская зима приходит неожиданно. Начались морозы, а у них не было спецодежды, работать же приходилось по колено в снегу, и надо было давать план. Опоздание на работу или прогул строго карались, виновных ждал штраф или тюрьма. Но выселенцы сами понимали: не заработаешь денег – не выкупишь талоны на еду, не оденешь детей, чтоб они могли ходить в школу. И потому мерзли, болели, но работали. Вся их жизнь была строго регламентирована и контролировалась комендантом спецкомендатуры Ножиговым, он был для них и царь и бог.

Ножигов появился в конторе сельпо утром следующего дня. Как всегда, в надвинутой по самые брови фуражке, в перетянутой ремнем гимнастерке, с неизменной кобурой на боку, в галифе и хромовых сапогах, начищенных до блеска. Высокий, грузный, он навис над Алексеевым и, пожимая мощной ладонью небольшую, но крепкую руку хозяина кабинета, заговорил громогласно:

– Здравствуй, Гавриил Семенович! Наслышан о твоём поступке, наслышан. И не одобряю. Ты думаешь, проявил смелость? Нет! Ты просто несерьезный человек. Не обижайся, я говорю это, как коммунист коммунисту. Вот утонул бы ты, ведь могло быть и такое, не подоспей Николай. И получилось бы что? Что ты бросил дело, которое тебе доверила партия. Это раз. И второе, ты забыл о матери. Она осталась бы совсем одна. Хорош сынок. Свои поступки, Гавриил Семенович, надо обдумывать. Вот твое решение жениться на Марте Франц. Как это можно назвать?

Смуглота не могла скрыть того, как покраснело лицо Алексева.

– Моя личная жизнь никого не касается. И потом, мы об этом уже говорили. Сколько можно?

– Ошибаешься, Гавриил Семенович. Сильно ошибаешься. Касается. У коммуниста не может быть такой личной жизни, которая идет вразрез с интересами партии и государства.

– Пахай! Это я живу вразрез с интересами партии? Да как у тебя язык повернулся сказать такое? Я ради партии на все готов.

– Твоя Марта – социально опасный элемент. Почему и ее, и других сослали сюда. И тем, что ты, член партии, хочешь на ней жениться, ты этим вроде бы даешь понять, что не согласен с ее высылкой и ставишь под сомнение решение правительства.

– Я не вправе оценивать решение партии и правительства, – уже спокойнее заговорил Алексеев. – Сослали, значит, так и надо. А мое увлечение Мартой означает лишь одно – она мне нравится как женщина. Вот и все. Я люблю ее, а любовь вне политики.

– Значит, так. Я, Гавриил Семенович, никогда не действовал исподтишка, за спиной, поэтому говорю сразу – о твоём желании жениться на Марте Франц я сообщил секретарю райкома. И говорю сейчас от его имени: если ты не расстанешься с Мартой, не откажешься от женитьбы, то навлечешь и на нее, и на себя большие неприятности. Очень большие. Возможно, будет поставлен вопрос о твоём пребывании в партии...

В дверь просунулась голова Николая:

– Здравствуйте! Ганя, куда бочки ставить?

– Я же показал Адаму.

– Да он забыл.

– Закрой дверь! – махнул рукой Ножигов.

И только Николай прикрыл дверь, Ножигов со стоном покачал головой:

– Ганя! Какой ты, к черту, для них Ганя? Ты Гавриил Семенович. Только так они должны тебя называть.

– Меня еще в школе звали Ганей, вот и прижилось. Да и они мне все, как родня.

– Но сейчас ты не в школе, ты председатель сельпо. Серьезней надо быть. И хорошенько поразмышляй над тем, что я сказал. Зачем тебе неприятности? Сколько молодых вдов осталось, их бы утешить надо. Что, на Марте свет клином сошелся?

– Сошелся, Леонид Мартынович, сошелся.

– Получается, она тебе дороже партии.

– Зачем ты так? Я для партии жизни не пожалею.

– Говоришь, жизни не пожалеешь, а от юбки оторваться не можешь. Думай, Гавриил Семенович, думай. И не только о себе, но и о Марте, ей тоже ваша любовь боком выйдет. Все, я свою задачу выполнил – предупредил. Пока, – Ножигов тяжело поднялся и покинул контору.

Половицы жалобно скрипели под его грузным телом.

Ножигов вышел на крыльцо, поглядел в небо, на сапоги, достал из полевой сумки тряпку, стер с них пыль. Поправил ремень на гимнастерке, и шагнул было обратно в контору, но передумал и неторопливо зашагал в сторону лесоучастка.

Предупреждая Алексеева о возможных неприятностях, Ножигов не обмолвился ни единым словом о том, что грозит Марте Франц. Хотел сказать, да не мог, не имел права. Когда доложил секретарю райкома Шипицину, что коммунист Алексеев встречается со спецпереселенкой Мартой Франц, Шипицин лишь пожал плечами:

– А что тут такого? Молодец, от нее не убудет. Их вообще всех надо на сто рядов пере...!

– Он собирается на ней жениться.

– Что? – вытаращил глаза Шипицин. – Почему сообщаем только сейчас, а не тогда, когда между ними только начиналось? Этого нам только не хватало, да это пятно на всю районную организацию. Это дискредитация чистой воды. Вызовем его на бюро и пропесочим хорошенько. Ты хоть говорил с ним, убеждал?

– И слушать не хочет. «Люблю». «Женюсь».

– Чертов азиат! Ладно, об Алексееве поговорим потом. Пошли, приехал товарищ Смирнов из области, новенький, вместо Зотова. Наверное, будет мылить шею за лесозаготовки.

Товарищ из области, моложавый, прилизанный и очень довольный собой, работу парторганизации района раскритиковал, особенно за отставание по лесозаготовкам, досталось и колхозам. В конце своей критической речи Смирнов поинтересовался о житье спецпереселен-

цев и спросил, как уживаются с ними местные жители. Как человеку новому, ему все было интересно. И тут секретарь райкома допустил ошибку, ляпнул, не подумав о последствиях:

– Нормальные отношения, товарищ Смирнов, привыкли, сколько лет вместе. Председатель сельпо Алексеев даже жениться собирается на выселенке, такая у них жгучая любовь.

– Алексеев коммунист или беспартийный?

– Коммунист.

– И вы так спокойно говорите о том, что член партии связался с вражеским элементом и дискредитирует партийную организацию района. Где ваша политическая бдительность? Партия и товарищ Сталин не раз предупреждали, что борьба не окончена, что нужно быть готовыми к пресечению малейших проявлений, идущих вразрез с интересами партии и народа. Какие вы предприняли меры, чтобы вырвать Алексеева из вражеских сетей?

– Собирались разобрать на бюро его персональное дело и, если он не порвет с выселенкой, поставить вопрос о его исключении из партии.

– А если немецкому отродью только этого и надо – вырвать Алексеева из рядов партии, ослабить наши ряды? Вы об этом подумали? Мы не можем этого допустить. Что вы еще можете сделать?

– Перевести спецпереселенку на другой лесоучасток.

Смирнов скривился:

– Плохо у вас с психологией, товарищ Шипицин. Иногда большие расстояния только сближают. Алексеев начнет мотаться на тот участок, во вред делу, которое ему поручено, нагородит глупостей, а пятно ляжет на райком. Нужно что-то другое, эффективное. Нужны быстрые, решительные действия по пресечению этого. Я повторяю, быстрые. Неужели вы не понимаете, своими непродуманными действиями Алексеев ставит под сомнение решение партии и правительства, и промедление недопустимо. Такой вопрос надо решать одним махом, одним ударом разрубить этот узел...

Неизвестно, что имел в виду Смирнов, призывая решить дело Алексеева одним махом. Часто большие начальники говорят долго и складно, наслаждаясь своим умением, и не всегда вникая в то, что вылетает из их уст. Говорят, и всё. А подчиненные мучаются, не понимая, чего же хочет от них начальство, и принимают решение на свой страх и риск.

Шипицин понял слова Смирнова как команду к немедленному действию и попросил после совещания остаться Ножигова и начальника милиции Дрюкова.

– Слышали, что Смирнов сказал? Рубить надо сразу. Какие будут предложения?

– Можно посадить Марту за прогул. Пусть посидит в тюрьме. Глядишь, за это время Алексеев и одумается, – предложил Дрюков.

– Какой прогул? Марта Франц никогда не опаздывает. Никто не опаздывает. Немцы – они работающие. А ты – прогул, – угрюмо сказал Ножигов, ему совсем не понравилось предложение Дрюкова.

– А ты перед работой вызови ее к себе, поддержи подольше, а бригадир пусть запишет прогул. Все очень просто. Ты что, первый раз замужем?

– Да ты представляешь...

– Все, все, все, – замахал руками Шипицин. – Меня нюансы не интересуют. Главное, выполнить поручение товарища Смирнова. Идите и считайте это партийным заданием.

Распрощавшись с секретарем, вышли в коридор, и Дрюков предложил:

– Пошли ко мне. Посидим, поговорим, водочки примем. И хорошенько все обмозгуем.

Был Дрюков ростом с Ножигова, но телосложением не вышел – кожа да кости, лицо в морщинах, да еще седина. И это в сорок лет. А вот его жена Антонида Власовна, пышнотелая красавица, излучала здоровье и выглядела намного моложе мужа. Всякое поговаривали про нее в районе, но тишком и с оглядкой, уж очень крутой и непредсказуемый характер был у Дрюкова.

Гостю Антонида Власовна обрадовалась, быстро накрыла стол, выставила водку. Пила она наравне с мужчинами и никогда не пьянела, лишь становилась веселей. Вот и в этот раз завела патефон, вытащила из-за стола Ножигова, закрутила в танце – несмотря на свою грузность Ножигов был отличным партнером, и Антонида Власовна это знала, так как Ножигов был у них частым гостем. И как же она огорчилась, когда Дрюков попросил ее на время оставить его с Ножиговым наедине для серьезного разговора.

– Все бы ей петь да танцевать, – вздохнул Дрюков, прислушиваясь к шагам жены, – мои заботы ее не интересуют. И кто бабам такую власть над нами дал? Знаешь, Леонид Мартынович, лично я ничего не имею против, если коммунист сойдется со спецпереселенкой. Была бы баба хорошая. Хуже будет, если она выйдет за своего, за такого же спецпереселенца. Кого они нарожают? Да таких же, обиженных на Советскую власть. А у коммуниста и дети будут, что надо, их только правильно воспитать. Но Алексеев! Ты же знаешь, эта сволочь угробила мою жизнь. Уже готов был приказ о повышении в звании и о переводе меня в область. И тут этот гад засадил мою сестру в тюрьму, – Дрюков стукнул кулаком по столу. – Понимаешь, что это значит?

Ножигов согласно кивнул, он уже много раз слышал эту историю, которую подвыпивший Дрюков повторял с назойливой настойчивостью.

– Раз близкий родственник в тюрьме, я вообще не имею права работать в милиции. До сих пор жду, что меня вот-вот снимут с должности. А я за эти годы так бы в области развернулся, показал, на что способен. Я Алексеева каждый божий день проклинаяю, он ведь мою сестру ни за что под тюрьму подвел. Сволочь! Свое воровство прикрывал. А у меня, кроме Фаины, родных нет, – Дрюков смахнул слезу и опрокинул в рот стакан водки. – Понимаешь, никого, вдвоем мы с ней на белом свете. Как могу я простить это Алексееву? Ни за что! Он мой самый заклятый враг! Бедная Фаина...

Ножигов знал, как было на самом деле. Фаина работала в Красном завскладом сельпо, прежний председатель пьянствовал, подписывал бумаги не глядя, и Фаина, пользуясь этим, хорошо нагрела руки. Крала она напропалую, а потом настрочила на председателя письмо в органы, мол, председатель ворует, пропивает народное добро. Из района нагрянули с проверкой, обнаружили большую недостачу, и председатель получил приличный срок. Вместо него прислали уроженца этих мест молодого Алексеева, серьезного, непьющего. Но Фаина то ли понадеялась на защиту брата, то ли подумала, что легко обманет такого молодого руководителя, а может, просто уже не могла остановиться – продолжала воровать. Не забывала и брата, каждую свою поездку в район Ножигов передавал Дрюкову от сестры увесистый сверток. Алексеев поймал Фаину за руку, причем при свидетелях, и позвонил куда надо. Приехали, произвели у Фаины обыск в квартире. Затем суд и десять лет заключения.

– Вот засадим его кралю, узнает, как это – терять близкого человека.

– Есть проблема.

– Какая? – недобро сузил глаза Дрюков. – Какая, к е... матери, может быть проблема?

– Маргу Франц недавно наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Это раз. И второе, на суде все подтвердят, что я ее вызывал и опоздание произошло из-за меня.

– А ты сделай так, чтоб никто не видел и не слышал, как ты ее вызовешь, тогда сможешь привлечь ее еще и за клевету. Да что тебя учить, сам все понимаешь. А медаль – это ерунда, приманка, чтоб сильнее жилы рвали. Главное, она как была, так и осталась спецпереселенкой. И засадить Маргу ты должен надолго. А я для тебя, сам знаешь, все сделаю. Лоб расшибу, но сделаю. Ты попросил поймать беглеца, я поймал, и никому ни слова. Так что за тобой должок.

Должок действительно был. Еще до прибытия на Лену несколько немцев попыталось бежать на фронт, воевать с фашистами, но были пойманы и сурово наказаны. Но о том, что кто-то побежит с лесоучастка, Ножигов даже и подумать не мог: кругом тайга, зимой замерз-

нешь, а летом один транспорт – пароход. И не замеченным на него не попадешь. Нет, убежать было невозможно. Да и куда без паспорта? А тем, кому его выдавали, ставили отметку – действителен для проживания в таком-то районе или селе. И потому Ножигов был спокоен. И зря. Сбежал Иван Шмидт, план его был прост: добраться до райцентра, там с дебаркадера легче проникнуть на пароход, а затем уже в Осетрово пересесть на поезд. Но осведомитель вовремя сообщил Ножигову о побеге, и он тут же позвонил Дрюкову. Тот успокоил: речка Марьинка разлилась, как никогда, вброд не перейдешь, возьмем беглеца на мосту. Ножигов попросил, чтоб Шмидта при аресте не покалечили – знал за Дрюковым такую привычку, а рабочих рук и так не хватает, да и пойдут вопросы. Где? Когда?

Ивана взяли на мосту и вернули в лесоучасток с огромным синяком под правым глазом – Дрюков был левша.

Долги, конечно, надо отдавать, и Ножигов скрепя сердце согласился подвести Марту Франц под суд. Но подумал, надо попытаться уговорить Алексеева разорвать отношения с выселенкой. Может быть, ему и удалось бы это, скажи он, что угрожает Марте. Но как раз этого Ножигов сказать не мог. И был недоволен собой, Алексеевым и той ролью, которую ему придется исполнять.

Странное существо человек, думал Ножигов, важно шагая по улице, сколько вокруг женщин, нет, подавай ему именно эту, и не всегда самую красивую и умную.

А Алексеев думал о другом. Чем его любовь к Марте может вредить партии? Надо же такое придумать, совсем с ума посходили, везде им вредители мерещатся. Марта – враг народа. Это все равно, что бурундука назвать медведем. Но разве им это объяснишь. Сам он до встречи с Мартой не особенно задумывался о спецпереселенцах, раз партия, государство решило их депортировать в Якутию, значит, так и должно быть. И в том, что на лесозаготовках работали в основном женщины, тоже не находил ничего особенного – война, всем трудно. Женщины везде заменили мужчин, и жилось им не лучше, чем переселенцам. И вообще, немцы были рядом и в то же время где-то за горизонтом его интересов, общения. Сошелся дружески только с Ножиговым, начальником лесоучастка Сомовым и секретарем парторганизации лесоучастка Трубициным. А с Мартой познакомился случайно, осенним вечером сорок четвертого года. Только вышел со своего двора, как из соседнего вылетел громадный пес и с лаем кинулся на проходившую девушку, та испуганно загоролдилась мешком. Подоспевший Алексеев цыкнул на пса, и тот повернул к дому. За забором мелькнуло лицо его хозяина – Семена Хорошева. Про него в селе говорили: хорошо, бодливому козлу бог рогов не дал. Был Хорошев небольшого роста, худощав, лицо нервное – с детства отличался несносным характером. Мать и отец спокойные, а он вечно задирался, за что ему частенько перепало. В армии Хорошев не служил и на фронте не был, в детстве – было ему тогда четырнадцать – умудрился напиться, обморозил ноги и остался без пальцев на обеих ступнях. Спецпереселенцев ненавидел, строил им на работе разные козни, а если шли мимо его дома, обязательно науськивал своего злого, под стать хозяину, пса.

Алексеев подошел к девушке, поздоровался и спросил:

– Испугались?

– Вообще-то я собак не боюсь, но этот такой огромный.

Алексеев глянул на нее повнимательнее и сразу толкнуло в сердце, вспомнилась его первая любовь – Маайыс. И хотя Маайыс была смугла, с узкими карими глазами и черными, как смоль, волосами, а эта – русая, с большими голубыми глазами, все же она чем-то напоминала любимую. А скорей всего, вызвала в нем те же чувства, которые он испытывал к погибшей Маайыс.

Видимо, он слишком долго задержал взгляд на незнакомке, потому что она смутилась:

– Извините, мне надо идти.

Нет, Алексеев не мог ее вот так отпустить:

- Я помогу, мне в ту же сторону, – и потянул из рук девушки мешок.
- Я не против, но могла бы и сама донести. Не впервой.
- У Усольцевых копали?
- У них.
- Как там Ульяна?
- Передвигается помаленьку.

Усольцева Ульяна, красивая, статная женщина, в первый же год войны потеряла двух сыновей и мужа. Когда пришла последняя похоронка на младшего сына, у Ульяны отнялась правая половина. И с тех пор и сажать, и копать картошку она нанимала немцев. Они и огород вскопают, как надо, и посеют, и окучат, и, когда время придет копать, не оставят в земле ни одной, даже маленькой, с горошину, картофелины. Потеряв всех мужчин и здоровье, Ульяна к сосланным немцам вражды не питала, не отождествляла с фашистами, в отличие от Семена Хорошева. Только тот, кто испытал горе, поймет другого.

– Меня зовут Гавриил Семенович, – представился Алексеев, надо было что-то говорить, не идти же молча.

– Марта.

– А по отчеству?

– Отца звали Отто. Вам в самом деле по пути? А то как-то неудобно. Замечаете, как все смотрят?

– По пути. Я к Сомову, – солгал Алексеев и внезапно остановился. – Слышите?

Высоко над ними, прощально курлыкая, пролетела стая журавлей.

– Домой летят, – с тоской сказала Марта.

– Да нет, дом у них здесь, здесь они родились. И не улетели бы, да мороз гонит. А весной снова к нам через моря и горы. Дождь, пурга – все преодолееют. Ничто их не остановит.

– А встречают их выстрелами.

– Вы против охоты?

– Я против, чтобы убивали тех, кто рвется домой.

Алексеев не стал скрывать, что понял тайный смысл ее слов:

– Понимаю, – он сделал небольшую паузу. – А про охоту могу сказать следующее. Весна – голодное время для якута. Зимние запасы кончились, хорошо, если сохранили скот, хватило корма. У нас говорят, осенний человек смеется, весенний облизывается. И охота помогала выжить, если, конечно, был благосклонен хозяин тайги Байанай.

– А осенью, зачем убивать осенью?

– Впереди длинная, холодная зима, ее еще надо пережить, и запасы не помешают.

– Вы коммунист?

– Да, – с некоторой заминкой ответил Алексеев, не понимая, какое отношение это имеет к их разговору.

– А верите в хозяина тайги, говорите о каком-то Байнае.

– Байанай. Это верование моего народа, а я часть его. Якуты считают, что у каждого предмета есть свой дух – иччи. Но особо у нас почитается дух огня – Хатан Тэмиэрийэ. А прибывая на новое место, мы просим духа местности, чтобы он был добр к нам.

– Извините, но вы какой-то не такой коммунист, – внимательно оглядела его Марта.

– Самый обыкновенный.

– Не скажите. Все коммунисты ярые атеисты, а у вас духи огня, местности. Язычество какое-то. А шаманов вы видели?

– У меня дед был шаман.

– Seriously? – вытаращила глаза девушка.

– Старики говорят, что он был сильным шаманом.

– Даже не верится, вы очень чисто говорите по-русски, и вдруг – шаман.

– В Красном живут почти одни русские. Вот я с детства и говорю по-русски. Но дома с мамой мы беседуем только по-якутски.

Они подошли к развилке, где одна дорога, огибая лесополосу, уходила к баракам, другая – к конторе лесоучастка.

– Рад был помочь. Может, донести до дому?

– Спасибо! Тут недалеко. До свидания!

– До свидания!

Алексеев прошел немного по направлению к конторе и повернул обратно. К Сомову идти он не собирался. Было неудобно, что обманул Марту, зато познакомился.

Когда пришел домой, мать сразу заметила, с сыном что-то не так, лицо его светилось счастьем.

– Ганя, ты сияешь так, словно тебя наградили.

– Я встретил девушку.

– Наконец-то! А то я думала, так и умру, не увидев внуков. Кто она? Как зовут?

– Немка. Зовут Марта.

– Хорошее имя. Ты познакомишь меня с ней?

– Обязательно.

Но до знакомства было еще далеко, целый год.

Алексеев был не стеснительного десятка, но как к Марте подойти, не знал. Не скажешь ведь, помните, я помогал вам нести мешок. Редко, но встречал ее в лесоучастке, каждый раз испытывая радость, здоровался ... и проходил мимо. Сомнения одолевали его: наверное, у нее уже есть жених, и как смешно он будет выглядеть со своим ухаживанием.

Так, в сомнениях и надеждах, прошел год. Наступила осень сорок пятого. В тот год баржа с грузом для сельпо пришла поздно, по Лене уже который день несло кружочки сала – смерзшиеся кристаллики льда, на самом деле напоминающие кружки сала, и пробрасывало льдины. Вот-вот должен был начаться ледостав, и капитан парохода, приведшего баржу, грозился увести ее в затон, находящийся в семидесяти километрах выше. Своими силами явно было не справиться, пришлось Алексееву обратиться за помощью к Сомову. Тот повздыхал, но в ситуацию вник и, к радости Алексеева, людей выделил. Но радость председателя сельпо поухнула, когда он увидел новоявленных грузчиков – одни женщины. Была среди них и Марта.

– Иван Егорович, ты бы мне мужиков дал. А женщин хватает: и свои, и метеостанцовские, и почтовики, и колхоз выделил.

– Не могу, план горит. Я уже в райцентре появляться боюсь. Женщин и то с кровью от себя отодрал. Бери, а то раздумаю и этих отниму. Берешь?

– Конечно. Спасибо тебе, что выручил.

А по реке уже несло целые поля, едва удалось уговорить капитана подождать до утра.

Сначала Алексеев переписал всех по именам и фамилиям, чтоб потом составить ведомость для оплаты, и занялся распределением, кому носить, кому подавать на барже, кому принимать груз на берегу. Новоселовой дал команду готовить обед. Сам переквалифицировался в грузчика. Был Алексеев невысок ростом, на вид худощав, но жилист и вынослив на ношение тяжестей – с детства ходил с дядей на охоту.

Жалко было смотреть на женщин, согнувшихся под тяжелой ношей, но что мог поделать: они – последняя надежда. Были женщины, имеющие по несколько детей, так у Усмановой было трое. Работали на разгрузке и совсем девчонки, им бы петь и танцевать, а приходилось надирать животы. Особенно тяжело было невысокой, хрупкой Марте, казалось, она вот-вот упадет и больше не встанет. Но время шло, а девушка все держалась, может, помогло то, что Алексеев приказал подавальщикам взваливать на ее плечи что-нибудь полегче:

– Иначе угробим девку.

Хотя этого, полегче, не всегда оказывалось под рукой, а выбирать не было времени.

Обедали тут же, на берегу. Уставшие женщины еще находили силы шутить, никто не жаловался на непосильную работу. Но у Алексеева было такое чувство, словно он виноват в том, что им приходилось так уродоваться.

Пили чай, когда пошел снег крупными хлопьями и такой густой, в трех метрах ничего не видно. Да это ладно, все смотрели под ноги, плохо то, что вскоре сходни стали скользкими и носить стало труднее – на спине такая тяжесть, а надо еще сохранять равновесие...

Алексеев закрывал с мужчинами припасенным брезентом груз на берегу, как вдруг раздался испуганный крик – Марта, переходя с баржи на сходню, поскользнулась и упала в реку вместе с ящиком, который несла. Хоть баржа и стояла недалеко от берега, глубина была порядочная. Марта вынырнула и тут же поплыла за ящиком, на помощь ей уже спешил Алексеев. Бросившись в воду, он поймал ящик и, придерживая Марту, направился с ней к берегу.

На берегу Марта виновата сказала:

– Извините. Так получилось.

– Ничего страшного, Марта. Не беспокойтесь.

– Если что испортилось, я заплачу. Не сразу, конечно.

– Ничего платить не надо. На барже выжмите одежду и можете идти домой.

– Давай, девка, быстрее, а то заболеешь, – поторопила Марту дородная шкипериха. – У меня в каюте тепло, посиди, согрейся. Там собака, но ты не бойся, она добрая. И ты, председатель, сходи одежду выжми.

– Я позже.

Кто-то из женщин крикнул:

– Идите вместе, вдвоем быстрее согреетесь.

Но шутку никто не поддержал. Только Марта ступила на сходни, как в спину ей раздалось злое:

– Нарошно в воду упала, чтоб не работать. Немчура проклятая.

Марта дернулась, словно кто ее толкнул, и остановилась. Но другой женский голос сказал:

– Иди, девка, грейся. Не слушай ее, у нее с детства поганый язык. Надо же, придумала. Иди, дева, иди.

– Действительно, Лиза, что ты на девку наговариваешь? Прыгай и ты, никто тебя не держит. Можешь с этой стороны баржи, можешь с той.

– А вы рады всех пожалеть.

– А почему бы и не пожалеть? Не звери же мы какие – люди.

– Жалей, Клава, жалей. Они твоего Ивана убили, не пожалели. А ты, ишь, добрая.

– Ивана фашисты убили. Да и не тебе об этом говорить. Пока наши мужики воевали, твой в тюрьме сидел. Так что заткнись!

– Пошли, Клава, – потянула за рукав подругу Усманова, – ее Жорик скоро освободится, вот она и кидается от злости на всех. Опять, скотина, начнет ее бить.

И женщины устало поплелись к барже. Та, которую звали Лизой, крикнула:

– Зато живой!

Но тут же, шагая вслед за женщинами, добавила:

– Да лучше бы его на фронте убили, ребята мне так и говорят. Боже, когда это кончится?

Вскоре появилась Марта, но вместо того, чтобы идти домой, встала за женщинами, что двигались к подавальщикам.

И снова Алексеев следил за этой хрупкой девушкой, и вместе с жалостью появлялось уважение, как и ко всем остальным женщинам, которых он с радостью отпустил бы домой, но не имел на это права – баржу надо было разгрузить любой ценой.

Ужинали под непрекращающимся снегом, все устали донельзя, не было сил даже говорить. Пили чай, наслаждаясь отдыхом и стараясь протянуть эти минуты. И тут Лиза, положив ладонь на плечо Марте, сказала:

– Ты, девка, не обижайся на мои слова, это не я говорила, а жизнь моя распроклятая.

– Я не обижаюсь.

– Вот и молодец. Дай бог тебе хорошего мужа найти.

– А его искать не надо, – подхватила разговор Усманова, – вот он, – показала она на Алексева. – Молодой, красивый, принц, спасший утопающую принцессу. Как тебе Ганя, Марта? Хватит одному жить, пора женой обзаводиться.

– А что, хорошая бы получилась пара, – поддержала ее Клава, – вы посмотрите на них, гусь да гагарочка. Ганя, чего молчишь, как тебе Марта?

Понимая всю степень усталости женщин, и желая поддержать их шуточный разговор, Алексеев, глядя на Марту, сказал:

– Очень хорошая девушка. Замечательная жена из нее получится.

– Так в чем дело? Как говорится, куй железо, пока горячо. Сразу и сделай предложение.

– Мы, якуты, с этим не торопимся, но если поженимся, то навсегда, до конца жизни. У нас и в олонхо у богатырей всегда была одна женщина, ради нее он и в Нижний мир спустился, и со змеями воевал, и с абаасы...

– Олонхо что, сказка?

– Это как греческие мифы, свой Зевс, свой Геракл...

– Ты, Ганя, в сторону разговор не уводи, ждешь Марте сватов или нет?

И тут Алексеев твердо сказал:

– Ждать!

Все весело загалдели:

– Ловим на слове. Марта, готовь подвенечное платье.

Покрасневшая Марта устала в кружку и не поднимала головы.

Женщин отпустили в восемь вечера, а сами пластались до шести утра, пока весь груз не перекочевал на берег. И сразу прекратился снег, словно кто-то и на небесах закончил свою работу.

Оставив сторожа, разошлись по домам. И хотя от усталости ноги отказывались идти, в восемь Алексеев был в конторе сельпо. И чтобы в этот день ни делал, неотступно думал о Марте, прошел год, как он пообещал матери познакомить ее с Мартой и ничего не сделал для этого. Была и тревога – не заболела ли Марта после такого купания? И вечером Алексеев двинулся на лесозаготовку... Пожилая немка указала нужный барак, он вошел и остановился: барак был поделен на маленькие закутки. Высокий рыжеватый парень на вопрос, где можно найти Марту Франц, с подозрением оглядел его и грубо спросил:

– Зачем она тебе?

– Тебе этого не обязательно знать.

– Как раз наоборот.

– Да вот их комната, рядом, – показал выглянувший из-за занавески мужчина. – Андрей, что, трудно сказать?

– Трудно. Ходят тут всякие.

Марта, увидев Алексева, покраснела до слез, как потом выяснилось, она подумала, Алексеев пришел ее сватать.

– Здравствуйте! Пришел узнать, не заболели? Вода такая холодная.

– Даже кашля нет. Пять лет назад, может, и заболела бы после такого купания, да власти закалили. Вы проходите, садитесь. Знакомьтесь, это моя мама, Августа Генриховна.

– Очень приятно, – Алексеев поставил на стол туюс с молоком. – Это от мамы, я ей сказал, что вы в реку упали.

– Спасибо! Да вы садитесь. Вот сюда.

Алексеев присел на край топчана, ни стульев, ни табуреток не было – да их и негде было поставить. Марта проследила за его взглядом:

– Вот так и живем. Первое время вообще все в одном бараке ютились, и мужчины, и женщины. Придешь из лесу, одежда мокрая, тут бы спокойно переодеться... как вспомнишь. Но мы и этому были рады. Вы чаю хотите?

– Спасибо, я на минутку. Весь день думал, как вы. Я, пожалуй, пойду. Извините за беспокойство, – Алексеев поднялся, постоял, словно на что-то решаясь, и сказал: – Завтра в клубе будут показывать «Два бойца», я вас приглашаю. Придете?

– Я не знаю, – Марта посмотрела на мать, но та сидела с непроницаемым лицом.

– Я буду ждать вас возле клуба.

Назавтра одна мысль, придет – не придет. Решил погадать старинным якутским способом, но так как ритуальной ложки не было, подбросил простую. Ложка упала открытой, вогнутой стороной – придет.

И ложка не обманула.

Увидел Марту издали, едва сдержался, чтобы не побежать навстречу. Смущаясь, поздоровались, и Алексеев предложил пройти в зал, занять места.

Вошли, и сразу все внимание к ним, зашептались, зашушукались. Николай приподнялся, махнул рукой, идите, мол, ко мне. Не успели до Николая дойти, как раздался голос, громкий, на весь зал, Семена Хорошева:

– Вы куда, бабы, смотрите? Немчуря мужиков уводит. Губа у ней не дура, знает, за кого зацепиться. Хлеб с маслом есть хочет.

Николай, обернувшись, показал ему огромный кулак. Хорошев обиженно крикнул:

– Видели? Отъели рожу на сельповских харчах, теперь и слова сказать нельзя.

Николай поднялся, но до Хорошева не дошел, тот сам выскочил из зала, под смех собравшихся. А Усманова, подсаживаясь, сказала:

– Не обращай, Марта, внимания. У каждого народа свои придурки, – и шепнула: – Не забудьте меня на свадьбу пригласить, и Бердникову Клаву, она первая сказала, что вы хорошая пара.

Клуб располагался в бывшей церкви, потолки были высокие, голоса артистов и звуки музыки звучали где-то над головой, но это была такая мелочь по сравнению с тем, что происходило на экране. Самые яркие, драматические места комментировал Хорошев, вернувшийся в зал, и никакие угрозы не могли заставить его замолчать.

Из клуба вышли втроем, с присоединившимся Николаем, и пока он был с ними, разговор шел оживленный, но стоило Николаю свернуть к дому, наступило молчание. Пока Алексеев не нашелся спросить:

– Вы где раньше жили?

– В Энгельсе. Это недалеко от Саратова, на другом берегу Волги. А вы местный, из этого села?

– Нет, я тоже с другого берега. Напротив, в семи километрах от берега, наслег Нахора, там я и родился. Отец погиб уже после Гражданской от рук бандитов, и мы переехали в Красное, к маминному брату. После окончания финансового техникума меня направили сначала в Батамай, а уж потом сюда. Вообще-то я мечтал стать великим охотником, как дядя.

– А я хотела быть учительницей или артисткой. Конечно, сейчас есть возможность учиться, власти не запрещают. Но с кем я оставлю маму? Первый год одежды для работы в лесу не было, а работа сучкоруба не из легких – целый день по колено в снегу. Мама простудилась, теперь едва переставляет ноги, да и легкие... Я уж думала, одна останусь.

– Она у вас очень строгая и молчаливая.

– Что вы, она очень добрая и разговорчивая. Просто... Вам я могу сказать. Когда нас арестовали и посадили на поезд, мама решила, что никогда, до самой смерти не скажет ни слова по-русски. И все эти годы слово держит.

– Да. Жизнь, – не мог Алексеев сказать, что он против того, чтобы ссылали женщин и детей, и понимает Августу Генриховну, не мог, как коммунист, обсуждать и осуждать действия партии и правительства.

Проводив Марту до самого барака, пожелал спокойной ночи, подождал, пока за дверью затихнут ее шаги, и двинулся в село. Отошел недалеко, и тут же дорогу преградил высокий немец, тот, что не хотел говорить, в какой комнате живет Марта. Широко расставив ноги и подбоченившись, он с угрозой сказал:

- Больше здесь не появляйся, а то голову оторву.
- Не говори гоп, пока не перепрыгнул, – Алексеев обошел немца и продолжил путь.

Вслед раздалось:

- Марту забудь, а то пожалеешь.

Лучше бы немец этого не говорил, следующим же вечером Алексеев был у Марты и на этот раз от чая не отказался. Рассказывал о своем дедушке – какой он был шаман, об отце, матери, об учебе в Якутске... Спрашивала Марта, Августа Генриховна молчала, но слушала с интересом.

Вышел, уже было темно. Но фигуру человека, выступившего из-за угла, заметил и ловко увернулся от удара. Увернулся и от следующего, причем сам нападавшего не бил. Но когда пропустил удар в лицо – разозлился, и тут уж драка началась настоящая. Алексееву удалось провести удар в живот и, когда нападавший согнулся, сбить его с ног. Добивать не стал, дал противнику подняться... Тут их обступили выбежавшие из барачков спецпереселенцы и, узнав Алексеева, охнули и дружно стали выговаривать сородичу:

- Ты что, Андрей, делаешь? Ты понимаешь, на кого напал? В тюрьму захотел?
- Ну и пусть. Отобрали у нас все. Теперь и невест отбивают. Что, вообще не жить?
- Марта тебе согласия не давала.
- Все равно пусть не ходит.

К Алексееву подошел пожилой немец:

- Вы извините его. Молодой, глупый. Мы все извиняемся.
- Как его зовут?
- Андрей Гарейс.

Подбежала Марта:

- У вас кровь. Вам помочь?
- Все нормально. Я пойду. До свидания?
- Вы извините, что так получилось.
- Да ничего страшного. Спокойной ночи!

Он не слышал, как после его ухода спецпереселенцы стыдили Гарейса:

– Мы так хорошо жили с местными, теперь из-за тебя все рухнет. Нас и так обзывают фашистами.

- Так что теперь, вообще не жить?
- Человеком надо быть. Человеком! Тогда и относиться к тебе будут по-человечески.
- Он твою фамилию спросил, завтра точно в райцентр увезут. Могут под такую статью подвести...

– А не увезут, так избыют. Видели его грузчиков. Боже, так мирно жили.

Алексеев шел, сплевывая кровь, но злости не было, он не дрался со школьных времен и сейчас был доволен собой – не забыл, чему учил его Николай, с которым он подружился с первого класса. Он не только не уступил Гарейсу, наоборот, в конце драки перевес был на его стороне. Разумом он понимал, что вляпался в неприятную историю, все же у него такая должность, да и возраст – скоро будет тридцать, но вот сердцем... Алексеев подпрыгнул и издал воинственный клич.

Мать испуганно охнула, когда он вошел в дом:

- Что с тобой?
- Подрался.
- С кем? Из-за чего?
- С немцем, с Гарейсом. Из-за Марты Франц, я говорил тебе о ней.
- Но ты же не напал на него первым?
- Конечно, нет. Он налетел на меня из-за угла.
- Немец был здоровее тебя?
- Вот такой, – показал Алексеев.
- У него на лице тоже остались следы?
- Да еще какие. Победа была на моей стороне.
- Вот и молодец! В детстве ты много болел, мы с отцом сильно переживали из-за этого. А когда переехали с тобой сюда, дядя стал брать тебя на охоту и ты окреп. За хорошую девушку не грех и подраться, так уж устроено в природе. Кто знает о драке?
- Одни немцы.
- Они будут молчать. Не говори о драке Николаю, а то он прибьет этого Гарейса, достанется и другим.
- Не скажу.
- Садись, будем пить чай. А синяки сойдут, я рада, что ты можешь постоять за себя. Алексеев обнял мать.
- Ты у меня самая умная.
- Жалко, что не выполняешь свои обещания.
- Какие? Я что-то не помню.
- Ты обещал познакомить меня с Мартой. Прошел год. Когда я ее увижу?
- Знаешь, мама, все так сложно.
- А в любви просто не бывает. Нельзя быть таким нерешительным. Может, эта драка поможет тебе?
- Скорей всего, нет. Посмотрим. Но Гарейсу она ничего не обещала. Случайно услышал.
- Вот видишь. Торопись, пока она свободна. Должна же я понянчить внуков. Маленькие детки так вкусно пахнут, – Матрена Платоновна закрыла глаза, словно вдыхала запах внуков.
- Утром глянул в зеркало – губы опухшие, под глазом синяк, но делать нечего, надо было идти на работу. Вышел пораньше, чтоб никого не встретить.
- Первым его синяки увидел Николай.
- Кто это тебя, Ганя? Скажи, кто? Я его убью!
- Никто, сам упал. Вечером вышел, крыльцо в снегу, поскользнулся, а руки были в карманах, вот и ударился лицом о ступеньки. Хорошо, нос не сломал.
- Если Николай поверил его рассказу, то Ножигов похвалил:
- Складно врешь, Гавриил Семенович. Ты кого покрываешь? Фашистского выродка? Пиши на Гарейса заявление и сегодня же отвезу его в райцентр. Такая сволочь должна сидеть в тюрьме до конца жизни.
- Какого Гарейса? О чем ты говоришь, Леонид Мартынович? Что-то не пойму.
- О том, что на коммуниста напал спецпереселенец. И я должен принять меры. Это выпад не только против тебя, но и против всей партии.
- Я не понял. На кого он напал?
- Да на тебя! На тебя! Что ты дурочку корчишь?
- Ты чего орешь? – разозлился Алексеев. – Во-первых, выбирай выражения, а во-вторых, повторяю, я упал с крыльца. Свидетель – моя мама. Если интересно, как это было, спроси у нее. Все! Извини, мне работать надо, – Алексеев поднялся, шагнул к двери. – Боюсь, не успеем до морозов перевезти в склад груз с берега.
- Ножигов тяжело поднялся, оперся руками о стол:

– Добренький? Я понимаю, как человеку, тебе, может, жалко этого засранца, но ты коммунист, ты должен проявить беспощадность к любым вылазкам антисоветского элемента.

– Леонид Мартынович, ну сколько я могу повторять? Я упал с крыльца и никакого Гарейса не знаю, так как со спецпереселенцами не общаюсь.

– А Марта Франц?

– Марта упала с баржи в реку, естественно, я поинтересовался о ее здоровье. Давай, закончим этот разговор, у меня столько дел.

– Не хочешь впутывать Марту? Как я сразу не догадался, – Ножигов с силой хлопнул ладонями по столу. – В благородство играешь. Сегодня ты прощаешь вражескому элементу избиение, а завтра он решится на убийство.

– Я упал с крыльца. Ты почему такой... непонятливый? – заменил Алексеев готовое сорваться с языка слово «дурак».

– Разочаровал ты меня, Гавриил Семенович, разочаровал, – Ножигов отодвинул стул и вышел из конторы.

Синяк под глазом, меняя цвет, сходил долго, и все это время Алексеев не показывался на лесоучастке. Но и когда синяк бесследно исчез, он по-прежнему не решался подойти к Марте. Не было повода, а заявиться просто так, после того, что произошло, Алексеев считал неприличным. Оставалось надеяться на случайную встречу. Но прошел ноябрь, начался холодный декабрь, и надежда на встречу погасла. Разве Марте после тяжелой работы в лесу, на морозе, захочется вечером куда-то идти. Да и сам он наведывался на лесоучасток не так уж и часто. Но успел заметить, немцы при встрече приветливо здоровались и вроде бы что-то хотели сказать. А может, ему это только казалось.

Приближался Новый год, колхоз и лесоучасток вместе готовили праздничную программу в сельском клубе – в лесоучастке клуб еще строился. Как всегда, самыми рьяными участниками самодеятельности были учителя и метеостанцовские. На этот раз, кроме обычных номеров, решили поставить спектакль. На одну из ролей пригласили Алексеева, как непременно участника праздничных концертов. Когда он пришел на первую репетицию, то в клубе буквально столкнулся с Мартой. Оба радостно улыбнулись, словно и не было двухмесячной разлуки.

– Здравствуйте, Марта! Вы тоже будете участвовать в концерте?

– Здравствуйте! Вот предложили сыграть в спектакле.

– Мне тоже, – Алексееву хотелось взять девушку за руку, хотелось разговаривать с ней, слушать ее голос, но помешал завклубом:

– Товарищи артисты! Внимание! Будем репетировать по очереди, один день спектакль, другой – песни и танцы. Согласны?

– Согласны!

– Тогда сегодня останутся певцы и танцоры. А те, кто занят в спектакле, возьмите текст пьесы и учите роль...

Возвращались из клуба вместе.

– Спасибо вам от всех наших за Гарейса, что не посадили его, – Марта слегка коснулась руки Алексеева, – и за то, что никому не сказали в селе.

– Ножигов знает. И не от меня.

– Мы догадываемся, от кого, от Генриха, он не с Поволжья, присоединился к нам, когда грузились на баржу в Осетрово. Видимо, чем-то обязан коменданту.

– Как здоровье вашей мамы?

– Не хуже и не лучше, но и это хорошо. Спрашивала, почему вы не приходите.

– После той драки было неудобно, вроде серьезный человек, а вот...

– Но не вы же начали ее.

– Не я. Но я думал, вам будет неприятно, если я заявлюсь...

– Что вы, наоборот! – Марта смутилась и замолчала.

– Августа Генриховна слово держит? – сменил разговор Алексеев.

– Держит. Никогда не думала, что у нее такой упрямый характер. Да мы все о себе ничего не знали. Не знали, что можем вытерпеть такое. Вот согласилась поучаствовать, а волнуясь. Правда, в школе я часто играла в спектаклях, но это было так давно. Совсем в другой жизни.

Проводив Марту до дверей барака, попросил передать привет Августе Генриховне.

С этого дня повелось, после репетиции уходили вместе. И не могли наговориться. Заметив, как Марта топчется на месте – мерзнут ноги, принес ей на следующую репетицию валенки:

– Вот, возьмите. Чуть великоваты, но с портянками будет хорошо. Все равно лежат, я их не ношу. Так что, пожалуйста, не отказывайтесь. Берите.

– Спасибо! А то эти больно уж износились, и на подшивку не отдашь, кроме них, носить нечего.

– Вы завтра их принесите. Я подошью.

– Что вы, неудобно.

– Да я все равно вечерами ничего не делаю. Так что несите. К тому же, пусть и в спектакле, но вы моя невеста.

– Ну, если так, – улыбнулась Марта. – Все хотела спросить, вам нравится пьеса?

– Мне кажется, она о моем отце. Конечно, он был женат и поэтому, естественно, невесту у него украсть не могли, но вот характер его.

Пьеса была о гражданской войне, и написал ее завклубом Еремин. Когда ему намекнули, мол, неплохо бы к Новому году что-нибудь веселое, праздничное, а о войне поставить лучше к ноябрю, Еремин в ответ разразился длинной речью. Нельзя забывать о подвиге отцов и дедов, искусство должно служить народу, а не быть развлекательной пустышкой, мы обязаны воспитывать молодежь в духе патриотизма, чтоб наши люди не теряли бдительности и всегда были готовы к отражению вражеского нападения.

К его словам нельзя было придаться, опровергнуть, и вопрос о веселой пьесе отпал.

Алексееву досталась роль командира отряда красных, что успешно сражался с белобандитами и окружил остатки банды. Но белогвардейцы похитили его невесту – ее играла Марта – и потребовали, чтобы им дали возможность уйти, иначе они убьют девушку. Чтобы выиграть время, командир пообещал подумать, а сам пробрался в лагерь бандитов и спас невесту, получив при этом несколько ранений.

Читая пьесу, Алексеев подумал, что вся мировая литература, все мифы, сказания держатся на двух сюжетах: борьбе добра со злом и отношениях между мужчиной и женщиной. И тут же вспомнил дядю Степана Платоновича. Когда уходили на охоту на неделю-две, дядя вечерами напевал олонхо о героях, что спасали своих невест, сражаясь с одноглазыми абаасы и злыми чудовищами. И выходя в темноте из охотничьей избушки, маленький Алексеев воспринимал деревья как ужасных существ, а себя представлял героем, готовым сразиться с кем угодно, выручая из беды Маайыс. С ней он дружил с первого класса.

По ходу пьесы командиру и невесте надо было поцеловаться, в начале, когда она провозжает его, и в конце, когда он вызволяет ее из плена. Еще читая пьесу, Алексеев испытал некоторое волнение от того, что ему придется на глазах у всего села целовать Марту. И сказал Еремину, что вполне можно обойтись без этого, пьеса о войне, зачем здесь поцелуи? Как зачем, удивился завклубом, пьеса – это кусочек жизни, и надо показать его в полном объеме во всей полноте жизни.

Тем не менее на репетиции Алексеев с Мартой лишь делали вид, что целуются. Еремину это не понравилось:

– Вы что, дети? Целоваться не умеете? Поцелуй должен быть настоящим, чтоб зритель его почувствовал. Не поверит поцелую, не поверит и всему действию.

– Во время показа и будем целоваться, – настаивал на своем Алексеев.

– Не во время показа, а на генеральной репетиции, – согласился завклубом.

А Алексеев подумал, вдруг Марта поняла его нежелание целоваться на сцене так, что он и в самом деле не хочет этого. И, может быть, не надо было отказываться? Эта мысль не давала ему покоя до самой генеральной репетиции. В этот день в клубе собрались все занятые в праздничном концерте: певцы, танцоры, тещы. Просмотр начался с хора, потом отплясали танцоры, комендант Ножигов спел русские народные песни, Усманова исполнила под гитару «Колокольчики-бубенчики звенят», затем вместе с Клавой выдали частушки... Каждое выступление сопровождалось одобрительными возгласами и аплодисментами собравшихся... Но ничто не могло оторвать Алексева от мысли, что вскоре придется поцеловаться с Мартой, и было такое внутреннее напряжение, он даже подумал, что зря согласился играть в спектакле. Надо было отказаться.

И вот настал их черед подниматься на сцену. Сначала за занавесом Ножигов своим поставленным голосом рассказал о славных подвигах красного командира, которого на последний, решительный бой с белобандитами провожает невеста...

И пока раздвигался занавес, Алексеев вспомнил, как уезжая на учебу в Якутск, прощался с Маайыс, не зная, что больше не увидит ее. И вдруг подумал, что будет, если он потеряет и Марту? И слова красного командира, что прощался с невестой, может быть, видя ее в последний раз, стали близки ему, это он прощался и Марта была его невестой... И обнимая Марту, Алексеев крепко поцеловал ее, поцеловал по-настоящему, словно и в самом деле уезжал надолго. И все поняли это, и крик Клавы: «Горько!» – остался без последствий, растворился в тишине, которую лишь через некоторое время нарушил завклубом коротким словом:

– Верю!

И весь спектакль до конца прошел на какой-то возвышенной ноте, все долго аплодировали, а завклубом сказал:

– Если такое покажете на вечере, успех обеспечен. Такая игра, даже не верится.

А Марта, когда возвращались после репетиции, сказала:

– Вы просто заразили меня своей энергией, я действительно почувствовала себя невестой командира. Боюсь, второй раз так не получится.

Новогодний праздничный концерт начался с выступления хора, в котором были заняты все участники. Спектакль шел последним номером и прошел на ура. И в селе, и на лесоучастке о нем говорили еще долго, хвалили артистов. А Ножигов, встретив Алексева, сказал:

– Не тем занимаешься, Гавриил Семенович, надо было тебе в артисты подаваться.

– А тебе, с твоим голосищем, в певцы. Забыл, как тебе хлопали?

– Хлопали. Но вообще-то я, как и отец, хотел историей заняться, до сих пор как увижу книгу по истории, сразу в груди легко, словно подарок получил.

– А что помешало?

– Обстоятельства сильнее нас.

– Но у человека всегда есть выбор.

– Выбор есть – согласен. Но обстоятельства, повторяю, сильнее. Ты, Гавриил Семенович, еще молодой и жизнь твоя шла гладко, а вот столкнешься, – Ножигов замолчал, подыскивая нужное слово, – со стеной на пути. Так не лбом же ее разбивать?

– Отец говорил, я не помню, от мамы услышал, если будешь думать не о себе, а о других, все преодолеешь.

– Может быть, – как-то потерял интерес к разговору Ножигов. – Ладно, увидимся.

И зашагал прочь. Алексеев глядел ему вслед, но думал о Марте. После Нового года они не виделись, проводил после спектакля, а договориться о встрече не догадался, и теперь думал, не будет ли назойливостью, если он зайдет к ним. Так до воскресенья и пробыл в сомнениях: идти не идти.

Пошел.

Постучал и, услышав «Входите!», с замиранием сердца переступил порог и, тщательно выговаривая слова, поздоровался:

– Гутен таг!

Что Августе Генриховне явно понравилось, и она приветливо откликнулась:

– Гутен таг!

Марта, скрывая улыбку, прикрыла ладонью рот.

Августа Генриховна что-то сказала по-немецки и вышла.

– Сейчас будем пить чай. Видите, какие чудеса делает знание немецкого. – Марта улыбнулась. – Шучу. После того случая мама вас зауважала. Вы ей нравитесь.

– А вам?

– Разве мало, что нравитесь моей маме?

– Вы не против, если я иногда буду к вам заходить? – многое скрывалось за этим вопросом, и, понимая это, Марта, тем не менее, впрямую не ответила:

– Приходите, мама будет рада. Выучите что-нибудь еще по-немецки.

– Вы согласитесь быть учителем?

– Как вам откажешь.

– Может, завтра и начнем?

– Надо подумать, – Марта сложила ладони, ребром прижала к губам. – Здесь мы будем мешать маме, значит, учить вас придется на улице. А я за день в лесу так промерзаю, что никуда из дома выходить не хочу. Может, перенесем учебу на весну?

– Мы можем это делать у меня. Я давно обещал маме познакомить вас. Ей не терпится вас увидеть. Как вы на это смотрите? Согласны?

Марта явно смутилась от такого предложения, глянула на дверь, словно нуждалась в материнской подсказке, и сказала:

– Если можно, в следующее воскресенье.

– Хорошо, я за вами зайду.

Марта – ее растерянность и смущение не проходили – поправила волосы и встала.

– Пойду на кухню, помогу маме.

Алексеев тоже встал, и в узком проходе между топчанами они оказались лицом к лицу.

– Как бы я хотел снова стать командиром отряда.

– Почему?

– Тогда бы я имел право вас поцеловать...

– Разве для этого обязательно быть командиром? – Марта не договорила, Алексеев преврал ее слова поцелуем...

В коридоре послышались шаги, покашливание, и они испуганно отпрянули друг от друга и быстро сели, положив руки на колени. Вошла Августа Генриховна, глянула на них, сидевших в позе послушных учеников, и добрая улыбка мелькнула на ее усталом лице...

Матрену Платоновну о приходе Марты предупредил заранее, та радостно всплеснула руками:

– Наконец-то! А то все обещаниями кормишь. У нас есть немного сливочного масла, я приготовлю чохоон, она, наверное, никогда его не ела.

– Мама, Марта придет в следующее воскресенье, впереди целая неделя.

– Вот и подготовлюсь заранее. Хорошая хозяйка все загодя планирует.

И каждый день Матрена Платоновна встречала сына, вернувшегося с работы, вопросом:

– Как ты думаешь, стоит сварить остатки потрошков, тех, что ты привез из Нахоры? А она будет есть сырую печень? Ничего, если мы предложим ей строганину? Надо приготовить что-то такое, чтоб Марта могла отнести матери. Ты как насчет этого думаешь? Стоит?

И вот наступило воскресенье, и смущенная Марта вошла в дом Алексеевых.

Алексеев представил женщин друг другу:

– Мама, знакомься, это Марта. А это моя мама, Матрена Платоновна.

– Проходи, дочка, раздевайся и поближе к печи, морозы нынче уж больно злые.

И эти слова, и доброе лицо хозяйки сразу расположили к ней Марту, исчезла скованность. А через полчаса у нее появилось чувство, что она уже была в этом доме и давно знакома с Матреной Платоновной.

Матрене Платоновне Марта тоже понравилась, о чем она поспешила сообщить сыну, когда он проводил гостью:

– Хорошая девушка. Славные у вас будут детки.

После этого каждое воскресенье Марта проводила у них. И только Матрена Платоновна уходила во двор, они с Алексеевым начинали целоваться. Матрена Платоновна, конечно же, все замечала и решила помочь молодым и, наказав сыну, чтобы приглядывал за коровой, на две недели уехала в Нахору к родственникам. И когда Марта пришла в воскресенье и узнала об отъезде Матрены Платоновны, то сразу как-то растерялась, испуганно глядя на Алексеева, словно предвидела неизбежное...

В этот день они стали близки. И до приезда хозяйки Марта ночевала у Алексеева. Они без устали занимались любовью и не могли налюбоваться.

И вот теперь на их пути, по выражению Ножигова, «стена». Да разве можно исключать из партии за любовь к женщине? Скорей всего, Леонид Мартынович просто пугает. Настроен против спецпереселенцев, вот и выдумал. Да и потом, что может угрожать Марте? Да ничего. Все это выдумки коменданта.

На следующий день, в обеденный перерыв, Алексеев направился на лесучасток и возле комендатуры встретил Ножигова. Пожимая Алексееву руку, комендант поинтересовался:

– Куда топаешь, если не секрет?

– К Сомову. Собирались вечером на охоту, надо кое-что уточнить.

– Тогда и я с вами на охоту. А Сомов домой направлялся, пошли, нагрянем. Его Софья такие щи варит!

Был Ножигов весел, держался так, словно и не было вчерашнего разговора, словно не отговаривал он Алексеева от женитьбы на Марте, не грозил секретарем райкома. И Алексеев еще раз уверил себя, что это лично Ножигову не нравится, что поднадзорная выходит за свободного человека. А секретарь райкома здесь ни при чем.

Выехали на озеро сразу же после работы и еще засветло разошлись по скрадкам. Озеро было неширокое, но длинное – тянулось среди тальников извилистой лентой. Утка шла хорошо, но почему-то не садилась в той стороне, где затаился Ножигов. Стемнело. И уже собираясь уходить к лагерю, Алексеев на фоне неба заметил стайку снижающихся уток. Стайка коснулась воды и тут же взлетела. Алексеев выстрелил сразу с двух стволов, и удачно: три утки упали в озеро. И сразу с противоположного берега раздался крик:

– Не стреляйте!

– Леонид Мартынович, это ты?

– Кажется, ты меня подстрелил.

– погоди, я сейчас, – Алексеев вытащил из кустов ветку, спустил на воду.

И что только не передумал, пока греб к тому берегу... Ножигов стоял без правого сапога и, чиркая спичками, разглядывал ногу.

– Что?

– Да ерунда, несколько дробинок, через сапог пробили кожу. Займемся лечением у костра.

– Черт, я такое подумал, – крикнул с той стороны Сомов. – Ты как здесь оказался?

– Как? Ногами притопал. Утка к вам садилась, а ко мне – шиш.

– Но я слышал, ты стрелял.

– В кулика. Орет и орет, уток отпугивает, вот и пришлось пристрелить.

- Все, пошли водку пить, – предложил Сомов.
- Садись, Леонид Мартынович, перевезу.
- Не пристрелил, так утопить хочешь? Я к этой галоше близко не подойду.
- Да ветка только кажется такой хрупкой, на самом деле и трех человек выдержит.
- Нет, я лучше вокруг пойду. Да тут и недалеко.
- Тогда я уток соберу.
- Заодно и моих, – попросил Сомов, – должно быть три. А я пока костер разожгу.

При свете костра еще раз обследовали ногу коменданта. Сомов ножом выковырнул дробинки, протер ранки водкой.

– Представляю, что бы сделали с Гавриилом Семеновичем, случись с Леонидом Мартыновичем что серьезное. Ведь еще надо было доказать, что выстрел случайный.

– А что, хорошая мысль. Дробь в меня попала? Попала. Налицо факт попытки убийства. Так что, Гавриил Семенович, ты у меня на крючке. Могу казнить, могу миловать.

– Может, Иван Егорович, мне и в самом деле его пристрелить? Все равно отвечать.

– Все, хватит, мужики, – рассердился Сомов. – Такими словами не бросаются.

Выпили, потом еще, и захмелевший Сомов сказал:

– Хорошо, Гавриил Семенович стрелял, когда утки только взлетали, взял бы чуть повыше – и лишилась бы твоя Зина любимой игрушки.

– Какой игрушки? – не понял Ножигов.

– Той, что в штанах прячешь. Или уже поистерлась?

– Да что с ней делается? – не поддержал шутку Ножигов. – Мог вообще погибнуть от своей дурости. И чего поперся? Словно кто подтолкнул. Ладно, хватит об этом.

И больше в тот вечер о неприятном инциденте не говорили. Пили водку, вспоминали прошлые охоты, кто, где, сколько... Неожиданно Ножигов спросил:

– Скажи, Гавриил Семенович, почему тебе всегда везет на охоте? Сколько ходили, ты ни разу без добычи не вернулся.

Алексеев ответил, не раздумывая:

– Ты заходишь в лес, как хозяин, а я – как гость. И всегда с уважением к духам – настоящим хозяевам леса.

– Предрассудки. Религиозный бред. Ты же коммунист.

– Прежде всего я якут. И с детства впитал обычаи и религию своего народа. Духи-хозяева есть у озер, гор, леса, любой местности – везде. Они были до нас и будут после нас, а мы лишь гости на этой земле. Мы, якуты, верим, что даже у каждой вещи есть свой дух-хозяин, иччи.

– Ну, это уже чисто религиозная пропаганда.

– Да нет, – вмешался Сомов, – тут другое. Скажи, Леонид Мартынович, ты русский?

– Русский.

– Тогда назови хоть одного славянского бога.

– Иисус.

– Это христианство. Ты славянского назови. Не знаешь? А я лишь некоторых – Перун, Сварог, Дажьбог. Потеряли свое истинно русское, а с ним потеряли и связь с духами лесными. А раз нет в лесу духа-хозяина или бога лесного, значит, можно рубить, крушить все вокруг.

– Ты что, верующий? – удивился Ножигов.

– Если бы... Я материны слова повторяю. И завидую ей и вот Гавриилу Семеновичу. Лешие, водяные, кикиморы – они для нас теперь сказочные персонажи. А не хватает, не хватает нам вот этих духов лесных, озерных. Чтобы вот так, как Гавриил Семенович, подкормить огонь, выказать им уважение, попросить хорошей охоты.

– Спорить не буду, что-то в ваших словах есть. Но что потеряно, не вернешь, – Ножигов тяжело вздохнул и повторил: – Не вернешь.

На рассвете, когда расходились по скрадкам, Ножигов сказал:

– Нога чешется, словно комары искусали. Ладно, пойду от вас подальше, а то пристрелите. Шучу, шучу. Ну, пока.

Только остались одни, Сомов шепнул:

– Если что, я буду свидетелем.

– Ты думаешь...

– Я ничего не думаю. Я знаю одно: человек – самое непредсказуемое животное. От него все можно ожидать.

Но Алексеев серьезно к словам Сомова не отнесся. Не такой Ножигов человек, чтобы на него клевету возводить.

А Ножигов, устраиваясь поудобнее в скрадке, думал, что вот приехал вместе с Алексеевым на охоту, вместе пил водку. Он, поди, считает меня порядочным человеком и не знает, какую пакость я готовлю его Марте.

Утром, только направились на работу, Марту отозвал в сторону Кузаков Сергей. Как человек, он вызывал неприятие: лет пятидесяти, а весь обрюзгший, глазенки бегают, плечи втянуты, словно ожидает удара. И вот сейчас, испуганно оглянувшись, заговорщически шепнул:

– Быстро к коменданту. Вызывает.

– Надо бригадира предупредить.

– Потом скажешь. Комендант ждет. Иди, иди. Я бригадиру скажу, что тебя вызвали.

Дом Ножигова стоял рядом с почтой, в одной половине жил он с семьей, другую занимала комендатура. Марта поднялась на крыльцо, но прежде чем войти, постояла, оглядываясь кругом. Через дорогу – контора лесоучастка, рядом дом Сомова, за ним дома остальных «хозяев». Они словно жались друг к другу, отгородившись от бараков со спецпереселенцами полосой нетронутого соснового леса. И то, что бараков не было видно, наполняло душу Марты тревогой, она чувствовала себя так, словно зашла в запретную зону, и наказание неминуемо. Марта передернула плечами, как от озноба, робко постучала и услышала грозное:

– Входи!

Комендант, привалившись спиной к стене, сидел за столом под большим портретом товарища Сталина.

– Здравствуйте!

– Проходи, садись.

Марта пристроилась на краю табурета и затеребила концы белого платка, с тревогой ожидая, что скажет комендант. Каждый поселенец был рад, если о нем забывали, так как обычно вызов к начальству не сулил ничего хорошего. Зачем он вызвал ее? Да еще в такую рань. Марта терялась в догадках.

А Ножигов молчал, внимательно разглядывая девушку. Обыкновенное «немецкое» лицо – за время работы со спецпереселенцами он безошибочно отличал русских от немцев. С первого взгляда, никакой разницы, а приглядишься – у немцев черты лица грубоваты, подстать их языку. Обыкновенная, стройная девичья фигура, тут Ножигов неслышно хмыкнул, после такой работы и еды другой фигуры и не должно быть. Но через несколько лет эта же работа превратит Марту в нечто, мало похожее на женщину. Обыкновенная. Но что-то Гавриил Семенович в ней увидел, то, что невидимо другим.

Отец, когда Ножигов привел Веру Головину познакомить с родителями, после ее ухода, так и сказал:

– Что ты в ней нашел? Обыкновенная девчонка. Зина – красавица, умница, из хорошей семьи – влюблена в тебя по уши, а ты выбрал эту непримечательную, обыкновенную.

– Она тоже из хорошей семьи.

– Согласен. Отец ее умнейший человек. Но Вера самая обыкновенная.

Отцу, видимо, понравилось это слово, и то, каким тоном он его произносил, становилось ясно, он считает его уничижительным. С чем Ножигов, конечно же, не был согласен. Обыкновенная. Однако, именно ее он углядел в многотысячном городе. И никакие уговоры отца не могли переубедить его. Так почему же теперь он пытается помешать Алексееву? У него с ним хорошие, приятельские отношения, да и Марта... Он не может сказать про нее ничего плохого, скромная, работающая девчонка. Почему он должен встать им поперек дороги, нарушить их счастье? Даже Дрюков, и тот не против, если коммунист живет со спецпереселенкой. Но только не Алексеев. Дрюков отлично знает, Фаину посадили за дело, но не хочет этого признавать и распалает в себе злобу на Алексеева. Если он не выполнит просьбу Дрюкова, то наживет себе врага.

Да и потом, это задание райкома. Так что его вины нет. К тому же он обязан отдать должок Дрюкову, тут уж никуда не денешься.

Молчание коменданта гнетуще действовало на Марту, а тут еще Сталин. Марте казалось, он следит не только за всеми ее движениями, но и читает мысли. Но почему комендант молчит? Зачем вызвал?

– Значит, так.

Марта даже вздрогнула, настолько неожиданно нарушил молчание Ножигов.

– Появились некоторые обстоятельства. И ты сможешь мне кое-что прояснить. Почему ты? Потому что молодая, память у тебя хорошая. Вот тебе ручка, бумага, перечислишь всех, с кем встречалась, вернее, говорила во время следования в данное место, – Ножигов хлопнул ладонью по столу. – Ясно?

– Но прошло столько лет.

– А я тебя не тороплю. Сиди, вспоминай спокойненько. Своих, с Поволжья, не записывай.

– Когда на поезде ехали – тоже?

– Обязательно, – Ножигов встал, подошел к двери. – Если кто меня спросит, скажи, ушел домой. Ясно?

– Ясно.

– Действуй.

Оставшись одна, Марта задумалась. Зачем коменданту это надо? И ему ли? А не навредит ли человеку, если она укажет его имя? С другой стороны, комендант ведь не сказал, чтобы она писала, о чем шел разговор. И все же кого можно упомянуть, а кого нельзя? И не с кем посоветоваться.

А Ножигов сидел за столом, ел оладьи с вареньем, смотрел на суетившуюся, раскрасневшуюся у плиты жену и думал о Головиной Вере. Странные повороты делает судьба, играет с человеком, как ей вздумается, одних одаривает, других обделяет. Тысячу лет назад стоял Ножигов на остановке, ждал свой «10-й» и, от нечего делать, пялился на окна автобусов, на усталые, озабоченные лица и вдруг, в рамке окна, словно с картины, с ранее увиденного им портрета, глянула девушка. Это была Она, о которой думалось и мечталось, и которая, конечно же, должна была обязательно встретиться. Неуверенно поднял руку, приветственно помахал. Девушка улыбнулась, махнула в ответ. Автобус тронулся, некоторое время Ножигов смотрел ему вслед, как он набирает скорость, и запоздало сорвался с места. Автобус он догнал, но водитель дверь не открыл. Однако Ножигов продолжал бежать, надеясь догнать его на следующей остановке, может быть, и догнал бы, но неожиданно споткнулся и распластался на тротуаре...

Сколько дней потом простоял Ножигов на этой остановке, надеясь увидеть незнакомку, но все было напрасно.

А тут коллега отца пригласил всю их семью на дачу, где Ножигова познакомили с красавицей Зиной. Если бы это произошло до встречи с незнакомкой, может, Ножигов и обрадовался бы такому знакомству, но сейчас красота Зины не произвела на него впечатления, не затронула его сердце. Все мысли были о той, мелькнувшей в окне автобуса.

И, о чудо! На первом же вступительном экзамене в институт увидел Ее. Подошел, поздоровался, как со старой знакомой. Девушка удивленно глянула на него, но тут же радостно улыбнулась:

– Здравствуйте! Это вы стояли на остановке и потом догоняли автобус?

– Я.

– А я на следующей остановке вышла. Ждала вас, – девушка сказала просто, без всякого жеманства, и это Ножигову очень понравилось.

– Я споткнулся и упал. Вот даже след остался, – он закатал рукав рубашки, показывая рубец возле локтя. – Так брякнулся. И колено ободрал. Вы на какое отделение?

– Историческое.

– Я тоже.

Так началась их дружба. Девушку звали Головина Вера. Это были самые счастливые дни в его жизни. И как ни упорствовали родители, он все же добился их согласия на женитьбу. Неформально они с Верой уже были мужем и женой. Казалось, впереди их ждет только хорошее. Но перед самой женитьбой арестовали Вериного отца, что-то не то сказал студентам, и это признали как агитацию против Советской власти. На допрос вызывали не только Ножигова, но и отца с матерью, спрашивали одно – как относился к Советской власти Головин? Что говорил? Веру исключили из комсомола и института. Ножигов отделался строгим выговором за потерю бдительности – не разглядел вовремя врага народа. Отец Ножигова был страшно напуган, ждал ареста. Но для их семьи все обошлось, хотя некоторые друзья и знакомые поспешили от них отвернуться.

Ножигов понимал, надо сходить к Вере, поддержать в такие трудные дни. Но страх отца передался и ему. Однако встречи с Верой избежать не удалось, и сворачивать в тот день было некуда. Тогда он ускорил шаги и промчался мимо, буркнув: «Здравствуй!», – и таким подлецом чувствовал себя... Но оправдание нашел быстро, он же делает это ради родителей.

Вскоре перевелся в военное училище. На допросе следователь, молодой, подтянутый, сказал, иди в военное, такой здоровый парень и будешь всю жизнь сидеть сиднем, протирать штаны. Но причиной перевода было не это, Ножигов не хотел больше испытывать такого страха, быть вечно дрожащим историком, хотел, чтоб боялись его самого, хотел быть таким, как этот следователь. И его боялись, но страх так и не ушел из него, таился глубоко внутри. Вскоро женился на Зине. Она была хорошей, преданной, заботливой женой, родила ему двух дочек. И он по-своему любил ее. Постепенно все забылось, вернее, он постарался забыть. И, кажется, жизнь наладилась.

Но в жизни все повторяется, повторяется, как напоминание. Но если он отступился от Веры, то Алексеев этого делать не собирается. Может, все же не мешать? Но тогда неприятности возникнут у него самого.

Ножигова долго не было, Марта устала сидеть и ходила от стены к стене под неусыпным взглядом Сталина. Список она составила давно – несколько литовок, финн, пытавшийся за ней ухаживать, немка из-под Ленинграда – ее русский муж сражался на фронте, а ее везли на Север как социально опасный элемент. Еще конвоир Петя и русская женщина, муж у нее был литовец, за что их и сослали. На одной из станций их двенадцатилетний сын вышел из вагона и не вернулся к отходу, схватились его, когда поезд уже набрал скорость... Крик женщины Марта слышит до сих пор.

В окне мелькнула фигура коменданта, и Марта быстро уселась на место.

Ножигов молча сел за стол и лишь тогда спросил:

– Написала?

Марта подала листок.

– Не густо. Ладно, – комендант отложил листок. – Я что еще хотел сказать. Встречаясь с Алексеевым, ты подвергаешь его опасности. Его могут наказать за связь с тобой, социально

опасным элементом. Ты должна от него отказаться... хотя уже поздно. Все, можешь идти, – Ножигов глянул на часы, – и сразу за работу. Смотри, нигде не задерживайся.

Он подождал, пока за Мартой закроется дверь, взял листок и, не читая, изорвал на мелкие клочки.

Может, все же не мешать им? Или в очередной раз предать Веру? У него еще было время подумать.

А Марту растревожили его слова. Что имел ввиду комендант, когда говорил поздно? Гане что-то угрожает? Но что? Какое наказание?

Когда в сорок первом в их дом вошли энкавэдэшники, отвезли на вокзал, и поезд помчал их неизвестно куда, казалось, жизнь рухнула, рухнули мечты об учительстве, о театре. И чем дальше их увозили, тем ясней становилось – возврата к прежней жизни не будет. Была обида. За что с ними так? За что? И ненависть к власти. А потом выгорело и это. И вдруг в далекой Якутии с ее страшными, нечеловеческими морозами и зимой, которая длится неимоверно долго, и каждый раз кажется, что она никогда не кончится, в ее жизни возник Ганя, и появилась надежда на лучшее. И кроме черной краски, в жизни наметились и другие, и уже радовали неугомонные синички, не боявшиеся такого мороза, любопытные белки... И оказалось, совсем уж неплохие люди вокруг, хоть и вольные, но вкалывают так же, как и они, так же тащат эту тяжелую лямку жизни.

И неужели все рухнет? Хотелось бежать немедленно к Гане, предупредить...

Но беда пришла совсем с другой стороны. Когда Марте сказали, что за опоздание на работу ее будут судить, она не поверила. Ее спутали с кем-то. Она была у коменданта, это можно проверить, спросить у него, он подтвердит. Но бригадир Бердников лишь развел руками, он был у Ножигова, интересовался, вызывал ли он утром Марту Франц, так вот, комендант утверждает, спецпереселенка врет. И Марта поняла, что комендант имел в виду, когда говорил «поздно» – это плата за любовь к Гане. Их просто хотят разлучить. И как ей доказать, что она полдня просидела в комендатуре?

Судья приехал на следующий день в сопровождении милиционера. Суд состоялся вечером, контора лесоучастка была забита до отказа.

Но перед этим с Мартой поговорил Егор Васильевич Бердников, бригадир. Здоровущий, угрюмый, необщительный человек с черной окладистой бородой. С первых же дней его поставили к ним бригадиром. Поначалу выселенки невзлюбили Бердникова, слишком строг и требователен, но потом свое мнение изменили. Он научил, как держать топор, как при этом стоять, чтобы нечаянно не порубить ноги, как правильно одеться той одежкой, что у них была. Знал, когда становилось невмоготу, и разрешал греться у костра. Его советы помогли им пережить первую страшную зиму. Их бригада постоянно была впереди по выработке, и получали они больше всех.

Бердников отозвал Марту в сторону – до суда она продолжала работать, – сказал:

– Про то, что тебя вызывал комендант, на суде ни слова. Привлекут за клевету и прибавят срок.

– Но, Егор Васильевич, я у него до обеда просидела. Честное слово!

– Верю. Но кто подтвердит? Кузаков, поганый человечиска, действует по указке Ножигова и будет все отрицать. И Алексеев до суда не должен ничего знать, человек он смелый, прямой, выскажет все Ножигову и только навредит тебе.

– А что я тогда на суде скажу? Что полдня делала? Нарочно прогуляла?

– А я тебе сейчас подскажу, за этим и позвал.

И когда судья спросил Марту о причине опоздания, она сказала так, как посоветовал Бердников – пошла утром со всеми на работу, но на подходе к лесоделю у нее прихватило сердце. Такое с ней уже было. Предупредить бригадира не смогла, так как испугалась и пошла

назад. Медпункт не работал, фельдшер уехала в райцентр за лекарствами. Отлежалась до обеда в бараке и пошла на работу.

После нее спросили Бердникова, весь его вид вызывал уважение, бригадир погладил бороду и обстоятельно охарактеризовал Марту – хороший работник, награждена медалью, не отказывается ни от какой работы, ни одного самовольного ухода, ни одного опоздания...

Слова эти посеяли сомнение в душе судьи, и он уже готов был оправдать подсудимую, но вспомнил странную заинтересованность в этом деле секретаря райкома, призвавшего его постороже быть с прогульщиками, но, конечно, соблюдая законность. Вспомнил и присудил – в течение полугода высчитывать у Марты Франц из зарплаты двадцать пять процентов.

Ножигов был вне себя. Еще вчера он позвонил Дрюкову и сообщил, дело сделано, теперь все зависит от судьи. Дрюков пообещал воздействовать на судью через Шипицина. И вот, осечка. Не могла Марта сама додуматься до этого, она обязана была сказать, что находилась в комендатуре. Кто же такой умный, кто подсказал ей, как нужно говорить? Ничего, в тюрьму Марта все рано сядет. Он не может иначе. Теперь это уже вопрос чести. Тут Ножигов скривился, боже, о какой чести может идти речь, одна подлость и коварство. И тут же оправдал себя – а иначе не проживешь.

Алексеев узнал о суде поздно, на два дня уезжал в Нахору. Пришел, когда уже все закончилось, и на дверях конторы висел замок. На полпути к баракам повстречал Бердникова, придержал его за рукав:

– Что решил суд?

– Полгода будут высчитывать двадцать пять процентов из зарплаты, трудноато придется им с матерью. Но, считай, она легко отделалась, явно хотели засадить в тюрьму. В этот раз не получилось, попробуют снова. Кому-то не нравится твое желание жениться на Марте. Вот и хотят убрать ее с твоих глаз. Может, вам пока не встречаться, сделать вид, будто Марта испугалась, вы поругались и между вами все кончено? Подумай, Ганя. Упекут ведь девку.

– Подумаю, Егор Васильевич, подумаю.

Только подошел к баракам, выскочила Марта, бросилась ему на шею:

– А Николай сказал, что ты в Нахоре.

– Только что приехал.

– Ганя, они пытаются нас разлучить...

Алексеев, обнимая Марту за плечи, молчал. Что он мог сделать? Как противостоять государственной махине, обрушившейся на них?

– Ганя, я боюсь. Но все равно мы будем вместе. Правда?

– Конечно, милая. Мы всегда будем вместе. Нас никто не разлучит.

Не мог Алексеев в эту минуту сказать Марте, что советовал Бердников, хоть и понимал его правоту.

Зато, только Марта вернулась в барак, как ее обступили женщины и наперебой начали уговаривать – порви с Ганей. Мужчина он хороший, но лучше тебе обратить внимание на своих. Вон Гарейс по тебе сохнет. Смотри, доведет тебя любовь до тюрьмы. Раз это не нравится начальству, оно сделает все, но разведет вас...

Мать молчала, и было непонятно, на чьей она стороне.

Отмалчивалась и Марта, разве им объяснишь, что она жизни без Гани не представляет. Ганя! Марта обратила на него внимание с той самой первой встречи, когда он отогнал собаку, которую науськал на нее Хорошев. Тогда ее поразили его слова, что он не отказывается от верований своего народа, и это говорил коммунист. И вообще, он был какой-то другой, отличался от всех мужчин, которых она знала. Пришла домой, и мать сразу почувствовала ее настроение:

– Что с тобой?

– Да так, встретила одного человека. Якут, помог мне мешок донести.

– Чем же он интересен?

– Даже не знаю, как сказать. Это словами не передашь.

– Ты что, влюбилась?

– Мама!

– По ней Андрей сохнет, а она в первого встречного втюрилась.

– Ни в кого я не втюрилась. Просто человек он необычный, какой-то... настоящий.

А про себя подумала, может, и влюбилась, еще ни один мужчина не вызывал у нее такого, такого... она сама не могла объяснить того, что с ней происходило. И потом, встречаясь с Ганей, ловила на себе его взгляды, и было предчувствие, что они обязательно будут вместе. Но матери ничего не говорила. Да и что она могла сказать, если на самом деле между ними ничего не было, и долог был их путь друг к другу. Когда во время выгрузки женщины спросили Ганю, ждать ли Марте сватов, и он ответил – ждать, Марта одна знала – Ганя не шутит. Все будет так, как он сказал.

Но прошла зима, прежде чем они стали мужем и женой.

Расстаться с Ганей? Да она день без него прожить не может! Будь что будет, она от Гани не откажется.

Через день после суда к Марте подбежал Андрей Гарейс – его бригада работала по соседству – и сказал, что Алексеева убили. Прямо в конторе.

Больше Марта ничего не слышала и не видела. И не помнила, как пробежала с отдаленного участка до села, как бежала уже по селу, под удивленными взглядами сельчан...

Влетела в контору сельпо и ... живой и невредимый Ганя удивленно уставился на нее. И сразу такая усталость навалилась на Марту, она без сил опустилась на пол и заплакала, перемешав плач со смехом... Не сразу встревоженный Алексеев добился от нее ответа. Что привело ее к нему в середине рабочего дня и почему она плачет?

А поняв в чем дело, тут же распряг сельповскую лошадь и верхом повез Марту на лесоделяну, чтобы сократить ей время прогула и заодно уговорить Бердникова не поднимать шум. Но на деляне их ждал Ножигов:

– Что же ты, Гавриил Семенович, отрываешь Марту от работы? Не солидно. Только позавчера ее судили за опоздание, а сегодня ее снова нет на работе.

Алексеев, сдерживая себя, предложил:

– Отойдем, поговорим.

– Поговорим. Но если будешь просить, чтоб я на ее прогулы закрыл глаза, то сразу говорю – бесполезно. Закон для всех одинаков.

Отошли на расстояние, достаточное, чтоб их не слышали рабочие, и Алексеев спросил:

– Ты что делаешь, Леонид Мартынович, зачем Марту губишь?

– Неужели не понял? А я тебя предупреждал, причем не от себя, а от имени секретаря райкома. Но ты же не слушаешь. Как же, у тебя любовь. Променил интересы партии на п... Я мог бы ничего не говорить, да и не должен, но скажу, может, тогда ты поймешь всю серьезность положения. Товарищи решили тебе помочь, решили изолировать, так сказать, объект вожделения, дать время тебе подумать.

– Товарищи? Да какие вы товарищи? Вы самые настоящие враги!

– Ты, Гавриил Семенович, говори да не заговаривайся. Как бы тебе эти слова боком не вышли. Думаешь, нам легко было пойти на это? Но мы не могли спокойно смотреть, как ты порочишь звание коммуниста.

– А что ты делаешь сейчас? Как это назвать? За такие дела надо не только гнать из партии, но и сажать в тюрьму. Я сообщу в область...

– За какие дела? У тебя есть факты? Я, что ли, заставил ее сорваться среди рабочего дня и уйти в село? Как ты можешь огульно порочить честного коммуниста?

– Да какой ты коммунист? Ты присосавшийся к партии...

– Что? – Ножигов шагнул к Алексееву, но, оглянувшись на рабочих, остановился. – Ты еще пожалеешь об этих словах. И не забывай, ты стрелял в сотрудника МГБ и это после того, как я предложил тебе порвать с Мартой. Одно мое слово и . . . сам знаешь что. А Марту посадим, выйдет, посадим снова, потом еще и еще. Будет сидеть, пока ты не одумаешься.

– Не дождетесь, я люблю Марту, и никто не заставит меня отказаться от нее.

– Тем хуже для нее. Будет сидеть так долго, что забудешь, как ее зовут, а пока иди, суши сухари, – Ножигов, тяжело ступая, пошел прочь.

Возвращался Алексей пешком, ведя лошадь в поводу. Его убивало, что он бессилён помочь Марте, уберечь ее. Ну поедет он в район, но как докажет, что все подстроил комендант Ножигов? Да и кто поверит, раз нет свидетелей? Да и захотят ли?

Оставалось одно – поговорить с Сомовым. Когда вошел в контору лесоучастка, застал у Сомова секретаря парторганизации Трубицина.

– Сидите? У вас под носом совершается преступление, а вам хоть бы хны. Вас это не касается.

– Какое преступление? – встревожился Сомов.

– По отношению к Марте Франц. Сначала Ножигов с помощью Кузакова заманил ее в комендатуру, продержал там полдня, а записали как прогул. Хотел посадить ее, да с первого раза не удалось. Тогда Ножигов подослал Андрея Гарейса сказать Марте, что меня убили. . .

– Когда?

– Утром. Марта, конечно, покинула работу и в село. Снова прогул. И комендант уверен – посадят. Он так мне и сказал – райкому не нравится, что я собираюсь жениться, и товарищи хотят мне помочь. Но то, что он делает – преступление. И вообще, не пойму, кто начальник лесоучастка? Ножигов? Или ты, Иван Егорович?

– Я начальник. Я. У коменданта другие задачи. Да ты садись, в ногах правды нет, – Сомов закурил, пустил длинную струйку дыма. – Говорил я с Леонидом Мартыновичем насчет Марты, мне ее судьба тоже безразлична. А он мне напомнил о совещании.

– При чем тут совещание?

– погоди, Гавриил Семенович, сначала спросим секретаря. Сергей Сергеевич, думаю, надо сказать, что предлагал на совещании Смирнов. Тогда Гавриилу Семеновичу будет понятнее происходящее.

Трубицин пожал плечами:

– Скажи, особой тайны нет, он тоже член партии. Но только, Гавриил Семенович, никому об услышанном говорить не стоит, ради своего же спокойствия. Тут такая ситуация, хоть Смирнов и имел в виду тебя с Мартой, но не призывал сажать Марту в тюрьму. Все так запутано.

– Инструктор из области говорил о нас с Мартой? Вы что-то путаете. Что, у него других дел нет?

– Говорил, – Сомов пустил очередную струйку дыма. – Смирнов поинтересовался, как местные уживаются со спецпереселенцами, не мешает ли это работе. Шипицин поставил тебя в пример, вот, мол, товарищ Алексей даже жениться собирается на выселенке. А Смирнов, узнав, что ты коммунист, возмутился и посоветовал решить это дело одним махом, одним ударом разрубить этот узел. Вот и рубят. И я ничем не могу тебе помочь, не могу остановить Ножигова, да мне кажется, Леонид Мартынович и сам без охоты это делает.

– А почему бы просто не наказать меня, если уж все считают любовь преступлением?

– Смирнов сказал, что именно этого добивается немецкое отребье – да это его слова, не мои. Так что выход у тебя один, чтобы спасти Марту, тебе надо от нее отказаться. Этого, собственно, и райком хочет. Я думаю, и судья в курсе.

– Но методы. . .

Трубицин замахал руками, перебивая Алексея:

– Все, все, Гавриил Семенович, мы и так наговорили много лишнего. Как человек, я тебя понимаю, а вот как коммунист...

– А разве это не одно и то же?

– Все, товарищи, дискуссия окончена, – вмешался Сомов. – Извини, Гавриил Семенович, нам надо работать. План опять летит к черту. Опять кумекаем, что еще можно предпринять.

– Значит, человек у вас ничто, можно взять и оштрафовать, посадить в тюрьму?

– Гавриил Семенович, – повысил голос Трубицин. – Мы тебя не слышали. До свидания! Нам надо работать.

Алексеев вскочил и вышел, хлопнув дверью.

Когда на суде спросили Андрея Гарейса, почему он обманул Марту Франц, тот промямлил, якобы про смерть Алексеева ему сказал мужчина, фамилию его он не знает, но несколько раз видел в селе. Судья ничего не стал выяснять, кто этот мужчина – факт прогула был налицо. Возможно, судья знал о желании секретаря райкома одним махом разрубить узел, а может, на его решение повлияла речь коменданта, который предположил наличие сговора между Мартой Франц и Гарейсом – все знают, Гарейс влюблен в Марту и, потворствуя ей, придумал историю о гибели председателя сельпо, пытаясь этим оправдать ее прогул. То же самое она, по-видимому, проделала и два дня назад, придумав историю с больным сердцем. Потому как оба ее объяснения нелепы и неправдоподобны.

Марте дали три месяца тюрьмы.

Если судью объяснение Гарейса удовлетворило, то спецпересенцы, вернувшись к баракам, устроили свой допрос, быстро перешедший в избивание допрашиваемого. Но тут вмешался Курт Якоби, пастор, пользовавшийся уважением у немцев. Помогая подняться сбитому с ног Гарейсу, сказал:

– Человек должен везде оставаться человеком, а не превращаться в скота. Не бойся, тебя больше не будут бить, потому что тебя нет, как немца и как человека.

Пожалуй, только после этих слов Гарейс окончательно понял, что он натворил – стал исполнителем чужого подлого плана. И не исправить, и не сказать правду, иначе сядешь «за клевету». И придется теперь быть изгоем среди своих и местных. А все комендант, воспользовался, скотина, его любовью к Марте. И как ему после этого жить? Как жить? Да и стоит ли?

Ножигова не устраивал срок, определенный Марте – можно было дать и побольше, Дрюков просил полгода или год. Но главное сделано – Марта в тюрьме. А помог, как ни странно, Кузаков, в умственных способностях которого Ножигов давно разуверился. Кузакова он приблизил к себе два года назад – поймал на воровстве. Кузаков тогда работал грузчиком сельпо, а лето в тот год было дождливое, взвоз, ведущий от берега к складам, превратился в глубокую промоину. И груз с баржи пришлось возить в окружную, через лесоучасток. Вот там, на повороте, Кузаков ухитрился сбросить с машины мешок муки в кустарник, густые заросли которого подступали к дороге. Мешок, вот судьба, обнаружил Ножигов – заметил с высоты своего немалого роста что-то белевшее в кустах. Заметил и припрятал получше, чтоб не обнаружили другие.

А ночью устроил засаду. Ждать пришлось долго, Кузаков появился в три часа ночи вместе с женой. Только они положили мешок на носилки, как перед ними возник комендант. Кузаковых чуть кондрат не хватил. Когда они немного очухались, Ножигов повел их в комендатуру, бедные воры едва несли носилки. И тут Ножигов вспомнил слова отца – всегда надо держать при себе человечка, которого выгащил из дерьма, чтоб был тебе обязан по гроб и служил, как раб.

Вспомнил и сначала отпустил жену Кузакова, мол, детей ваших жалко, и та, упав на колени, стала целовать его сапоги, и пришлось силой выталкивать ее из комендатуры. Потом Ножигов приступил к Кузакову, пообещал отпустить и его, но при одном условии, если тот будет выполнять все его приказы, не раздумывая. Кузаков тут же поклялся и тоже бросился в

ноги. И так, на коленях, выслушал первое задание – устроиться на лесоучасток и докладывать обо всем происходящем. Кто, что говорит, что делает? Так Кузаков стал его осведомителем, но прежде Ножигов заставил его написать признание в воровстве и пообещал при первом же непослушании дать ему ход.

Мешок муки Ножигов вернул в сельпо, сказал, нашел на повороте. Алексеев специально сходил, посмотрел и не смог понять, как это мешок, упав с машины, ухитрился улететь в кусты.

Осведомитель из Кузакова получился неважный, Ножигову приходилось по полчаса выслушивать его белиберду, чтобы выловить нужные сведения.

После первого суда над Мартой Франц Кузаков робко вошел в комендатуру и, стоя у двери, начал мямлить:

– Она сказала совсем другое. Вот я и промолчал. Вы не предупредили. Ну, я и растерялся.

Ох, как хотелось Ножигову – этого ему хотелось при каждой встрече с Кузаковым – разбить эту подлую рожу в кровь. Но сказал приветливо – хоть и паршивая скотина, но своя:

– Правильно сделал, что промолчал. Проходи, садись. Есть у тебя какое-нибудь предложение насчет Марты?

Спросил просто так, думая о своем, но Кузаков, к удивлению, предложил стоящее:

– Есть. Вроде есть. Я тут подумал...

– Ты и думать начал? Молодец! Ну, говори.

– Вы же знаете, Андрей Гарейс влюблен в Марту, он даже из-за нее подрался с Алексеевым и грозился его убить, если он не отвяжется от Марты...

– Да знаю я все это, знаю. Ты дело говори.

– Ну, я и подумал... может, это самое...

Ножигов с удивлением воззрился на Кузакова, он что, предлагает убить Алексеева, а вину свалить на Гарейса?

– Вам бы поговорить с Гарейсом, мол, хочешь получить Марту – помоги ее посадить. Только она сядет, Алексеев сразу от нее откажется. Не будет же коммунист якшаться с преступницей.

– Молодец! – похвалил Ножигов, а сам подумал, что туповатые люди, как он не раз подмечал, берут не умом, а изворотливостью и подлостью. А еще его поразило – почему он подумал об убийстве Алексеева, вроде и в мыслях не было, а вот подумал. Неужели и это приберегал на крайний случай? А может, что-то подумалось после ссоры в лесу? Бред какой-то.

Ножигов глянул на подбострастного Кузакова, еще раз подивился его подлой натуре:

– Иногда и от тебя толк. Позови Гарейса ко мне, но так, чтоб ни одна душа об этом не знала. Понял?

– Как не понять, не дурак же. Завтра вечером, как стемнеет, и приведу.

И привел.

Ножигов почти слово в слово повторил то, что ему перед этим сказал Кузаков, а от себя добавил:

– Мне, как коменданту и коммунисту, тоже хочется, чтобы Алексеев порвал с Мартой, так что, в этом случае, наши с тобой интересы совпадают. Если ты согласен, то надо будет всего-навсего сообщить Марте во время рабочего дня, желательно утром, что Алексеева убили прямо в конторе сельпо. Конечно, жестоко так поступать с девушкой, но когда она поймет, что все ее неприятности из-за связи с Алексеевым – а не поймет, ей подскажут – она сама будет рада от него отвязаться. Ты, конечно, можешь отказаться, насильно я тебя не заставляю, но тогда тебе Марту не видать, как своих ушей. А я предлагаю единственный верный способ вернуть ее на правильный путь. Да и что тюрьма – отдых, не придется вкалывать, как здесь, да и будет время все взвесить, подумать. Ты, такой видный парень, куда Алексееву до тебя, увлечение ее Алексеевым временное. Так бывает, сколько женщин, выходя замуж, потом мучаются всю жизнь и жалеют, что отказали другому. Так и Марта, потом будет только рада, что не связала

свою судьбу с Алексеевым. Ты не только о себе, ты и о Марте подумай, зачем губить ее жизнь. Ты, только ты, можешь помочь ей...

Ножигов плел и плел свою паутину из слов, и Гарейс согласился.

Марта в тюрьме. Казалось бы, Ножигов добился своего – отдал должок Дрюкову, но чувства удовлетворения не было, наоборот, на душе было тошно. Он ненавидел и Гарейса, и Кузакова, как соучастников его подлости. А тошно было оттого, что Алексеев с Мартой разбудили в нем воспоминания о Вере Головиной, которую он много лет пытался забыть и запрещал себе думать о ней.

О том, что она в положении, Вера сказала за два дня до ареста ее отца. И эти два дня они только и делали, что говорили о будущем ребенке. Решили, если родится дочь, назовут Светланой, если мальчик – Сережей. А кем ребенок будет заниматься, когда вырастет, было ясно – историей.

Родителям сообщил сразу же. Мать встретила эту новость с радостью, а вот отец вроде бы попенял – рановато, сначала надо институт окончить. Но когда пришла Вера, прочитал ей целую лекцию, какой образ жизни надо вести, как питаться, чтоб родился здоровый ребенок. И это был хороший знак, родители по-настоящему, окончательно, приняли Веру.

После ареста Головина, после допросов, после страшных дней ожидания, арестуют или нет, не сразу вспомнил Ножигов, что Вера носит под сердцем его ребенка. И обратился за советом к матери – отец при упоминании Веры впадал в бешенство, и та, всего несколько дней назад с радостью принявшая весть о беременности Веры, зло сказала:

– Пусть делает аборт. Забудь, вычеркни Веру навсегда из своей жизни.

Забудь. Легко сказать. Каждый день он просыпался и засыпал с мыслями о Вере, все оправдания, которые придумывал, рушились, не принося покоя.

Месяца через три не выдержал, пришел к дому Головиных и стал ждать. И когда Вера появилась, чуть не бросился к ней, но страх, что из-за этого рухнет спокойная жизнь, удержал его. Приглядевшись повнимательней, заметил, как из-под осеннего пальто выпирает животик. Вера не сделала аборт. И если бы она хотела ему отомстить, то не придумала бы ничего лучше...

Ножигов достал бутылку водки, выпил стакан... другой и долго сидел, уставившись в пол.

Полуторку подбрасывало на ухабистой дороге, милиционер матерился, несколько раз Марту кидало на него. Но Марта ничего не замечала. Как без нее будет жить больная мать, на какие деньги она сможет полностью выкупить талоны? Пусть будет проклят Гарейс! Разве может так подло поступать человек, постоянно твердивший ей о своей любви? Пусть будет проклят Ножигов! Неужели он никого не любил, раз так старательно и подло пытается разлучить ее с Ганей. Если они думают таким способом оторвать ее от Гани, то сильно ошибаются. Она выдержит все.

Еще во время выгрузки, когда она без сил сидела у костра, и женщины начали, шутя, предлагать ее в невесты Гане, она подумала: ну, чего им от меня надо? Но когда Ганю спросили, ждать ли Марте сватов, и он ответил – ждать, она почувствовала в его словах уже не шутку, и каким-то женским потаенным чутьем почувствовала, поняла, что между ней и этим смуглым человеком протянулась невидимая ниточка, и он тоже понимает это. И эта ниточка помогла ей продержаться до конца выгрузки.

Продержится она и сейчас. Она еще нарожает Гане детей, и будет жить с ним долго и счастливо.

После ареста Марты Алексеев был сам не свой, приходил на работу и сидел, уставившись в стену. Ни кладовщица Зина, ни Адам с Николаем лишней раз не беспокоили его. Вернувшись домой, Алексеев бесцельно слонялся по двору или сидел на крыльце, поглаживая Модуна и не замечая, как его атакует несметное полчище комаров.

Матрена Платоновна понимала страдания сына, но не понимала его бездействия:

– Помнишь, Ганя, слова отца?

– Конечно, помню. Если будешь думать не о себе, а о других, все преодолеешь.

– Правильно. А о ком сейчас думаешь ты?

– О Марте.

– Нет, сынок, ты думаешь о себе. Себя жалеешь. Ах, как тебе плохо. А ты поинтересовался, как там Августа Генриховна? Одна, больная. Мы могли бы поселить ее у нас. И ей хорошо, и мне будет веселей, а то целый день одна дома. Модун говорить не научился.

– Августа Генриховна шпрехает только по-немецки.

– А я буду по-якутски. Захотим, пойдем друг друга.

– Мама, какая ты у меня! – Алексеев обнял мать, поцеловал в щеку. – Самая хорошая на свете!

– А ты что, только узнал об этом? – Матрена Платоновна лукаво глянула на сына.

Ганя был у нее поздним ребенком – появился, когда старшие сестры уже невестились. Поздним и последним. Из котомки выбитый прах – так говорят о последнем ребенке в семье. Рос Ганя хилым, часто болел, и Матрена Платоновна опасалась за его жизнь, но получилось по-иному, сестры одна за другой умерли от туберкулеза. А Ганю стал брать на охоту Иннокентий, брат Матрены Платоновны, и мальчик заметно окреп.

Учился он хорошо, все предметы давались ему легко, и Матрена Платоновна не могла нарадоваться, глядя на сына, и часто думала, будь отец жив, он гордился бы Ганей.

Жили, как все живут, бывало, и голодали. Матрена Платоновна как начала работать в колхозе дояркой, так и трудилась там все эти годы. Когда Ганю поставили председателем сельпо, он сказал, хватит, мама, тебе уже семьдесят, пора и отдохнуть. Но она оставила работу, лишь когда закончилась война, да и то с условием, что они заведут корову – не сидеть же ей целыми днями сложа руки. Держать корову было не просто, частникам выделяли покосы где похуже и сена на зиму не хватало, приходилось по копенке собирать по берегам рек и по полянкам в лесу. Однако Ганя согласился, и она была благодарна ему за это.

Все складывалось хорошо, не хватало лишь внуков. Матрена Платоновна уже не чаяла их увидеть, но появилась Марта, а с ней и надежда, что она еще успеет понянчить Ганиных детей. Однако бог судьбы Дьылга Тойон решил иначе, уготовив Гане и Марте трудную дорогу. Встали на их пути бездушные люди, не знавшие, что такое любовь. Это надо додуматься, посадить девушку в тюрьму лишь за то, что ее любят больше жизни. И Матрена Платоновна молила богов, чтобы помогли соединиться Марте с Ганей, защитили их любовь.

Сначала Августа Генриховна переезжать категорически отказалась, но вмещались ее подруги, начали уговаривать, сказал свое слово и Курт Якоби:

– Я думаю, будь здесь Марта, она тоже бы посоветовала вам переехать к Гавриилу Семеновичу. Не надо обижать отказом добрых людей.

И Августа Генриховна согласилась.

И сразу встал вопрос общения. Хорошо, если Августа Генриховна могла обойтись кивком головы или отрицательно мотнуть, в остальном она была подобна Модуну, который все понимал, но сказать не мог. Но если Модун говорить не мог, то Августа Генриховна принципиально не хотела. Ее молчание тяготило Алексеева, и он отдавал много времени изучению немецкого, и так увлекся, что даже в деловых разговорах иногда вставлял немецкое слово.

Но вскоре говорить по-немецки стало не нужно – Августа Генриховна, нарушив свою клятву, заговорила по-русски.

Когда ее, честно отработавшую всю жизнь, под старость арестовали, и только за то, что она немка, признали особо опасным элементом, в Августе Генриховне все запротестовало. Это была такая вопиющая несправедливость. Обида переполняла ее сердце. Арест производили русские и страшные слова о высылке прозвучали тоже по-русски, и она решила больше никогда не говорить на этом проклятом языке. И вот уже пять лет слово держала, хотя было несколько

затруднительных моментов, когда говорить по-русски было необходимо, для блага своей же семьи. Но ничто не могло поколебать ее...

Однако понемногу ее ненависть к русским таяла, во-первых, жили они, во всяком случае, местные, не лучше. Их не называли спецпереселенцами, им не надо было отмечаться у коменданта, а в остальном их жизнь была похожа – минимум свободы и работа в таких же условиях. В колхозе многие жили даже хуже их. Наладились и отношения, если на первый взгляд местные держались настороженно, приглядывались, то вскоре исчезло и это. Немцы, правда, скорей всего по привычке, держались отдельно, но на работе этого различия не было. А дети, те, вообще передружились, вместе учились, вместе играли после уроков. Была еще одна особенность в отношениях, когда Августа Генриховна встречалась с местными, особенно пожилыми, на улице, всегда с ней приветливо здоровались – и эта черта, здороваться с незнакомыми, ее поразила. Было в этом что-то такое доброе, согревающее душу. И Августа Генриховна поняла, не надо отождествлять русских и власть – это не одно и то же. Поняла, но говорить по-русски не собиралась и старалась держаться от местных наособицу, что ей легко удавалось – из-за больных ног она почти не выходила из барака. И как Августа Генриховна поначалу воспротивилась, когда выяснилось, что ее дочь равнодушна к председателю сельпо, и неважно, что он якут, для нее все говорящие по-русски были русскими. И она попыталась с помощью своих подруг внушить Марте, что немки должны выходить замуж за немцев – вон как тебя обхаживает Андрей Гарейс. Но послушная дочь проявила невиданное упрямство и не желала слушать никаких уговоров. И Августе Генриховне пришлось смириться. Да и что она могла сделать со взрослой дочерью? Смирилась, но жила надеждой, пройдет время и дочь образумится, надо только каждый день ненавязчиво внушать ей нужное мнение – капля и камень точит. И лишь после того, как Гарейс напал на Ганю, а тот не дал этому делу ход, она зауважала избранника дочери и уже другими глазами посмотрела на него – доброго, умного, честного – и одобрила выбор Марты.

А когда перед первым судом угрюмый, бородатый бригадир Бердников научил Марту, что говорить на суде, и Марта благодаря этому отделалась штрафом, а сесть в тюрьму ей помог своей, немец, решимость ее пошатнулась, но и тогда она не заговорила по-русски, хотя и надо было поблагодарить бригадира.

Еще до ареста Марта сказала, Ганя тоже рискует, любя ее, его могут исключить из партии и выгнать с работы, и это самое безобидное из того, что его ожидает. Партия не любит тех, кто идет против ее воли, Ганя и ее предупреждал о грозящей опасности, но она решила, что никогда не отступится от своей любви. Никто не сможет разлучить их с Ганей. И если с ней что случится, то винить надо власти, это им не дает покоя тот факт, что коммунист Алексеев любит спецпереселенку.

Августа Генриховна все понимала и не винила в аресте дочери Алексеева, однако переехать к нему не захотела, не желала быть им обузой. Но слова Курта, к мнению которого она всегда относилась с уважением, заставили ее изменить решение.

Мать Гани, Матрена Платоновна, по возрасту ее ровесница, подвижная женщина с добрыми глазами, весь день была в заботах. Утром выгоняла корову и начинала прибираться в доме, потом надо было варить обед... И так весь день на ногах, а к вечеру возвращалась корова, именно с нее начинался и кончался день. И что бы ни делала Матрена Платоновна, она терпеливо объясняла – получался такой монолог длиною в день. И молчание свое Августа Генриховна стала воспринимать как неуважение к хозяйке, и не заметила сама, как заговорила по-русски. Не могла больше изображать немую перед этими людьми.

Теперь они с Матреной Платоновной целыми днями вели неторопливую беседу, у каждой за плечами была долгая жизнь, и им было что сказать друг другу.

Интересной была их беседа. Одна, за время долгого молчания, подзабыла русский и часто вставляла немецкие слова. Другая, забываясь, переходила на якутский, а букву «в» вообще

не выговаривала, заменяя ее буквой «б». Но тем не менее женщины отлично понимали друг друга. А вечерами Августа Генриховна говорила с Ганей о Марте, у нее было такое ощущение, что она знает этих людей много лет.

Алексеев целыми днями пропадал на работе – строили новую пекарню и пристрой к складам. И Алексеев плотничал вместе с другими – так время шло быстрее. А вечерами вел долгие разговоры с Августой Генриховной, все они сводились к Марте, и вскоре Алексеев знал о Марте все с самого дня рождения. Когда начала ходить, говорить, какое слово сказала первым, какими болезнями переболела. Все было ему интересно, и, казалось, что и он шел вместе с Мартой в первый класс, плакал по потерянному старому, потертому портфелю, слушал, как она читает стихи Пушкина на школьном вечере. Он болел вместе с ней, глядел на все ее глазами, жил ее жизнью, плакал и радовался и был с ней одним целым. И эти вечера были для него вечерами встреч с Мартой, его любимой женщиной. Помогали ждать.

В начале июля его вызвали на бюро райкома. Ехали втроем, он, Сомов и Трубицин, который был за шофера. Сомов и Трубицин договаривались, о чем будут говорить на бюро – главное, надо просить дополнительно рабочих, иначе не справиться с планом... А Алексеев, глядя на пролетающие за окном сосны, думал о Марте. Как она там? Не болеет ли? И чувство вины из-за того, что не смог защитить ее, с такой силой охватывало его, что хотелось выть.

Перед началом бюро его вызвал к себе секретарь райкома. Разговор начал с неожиданного вопроса:

– Товарищ Алексеев, вы коммунист?

Алексеев удивленно воззрился на него:

– Вы и сами прекрасно знаете это.

– Я неправильно сформулировал вопрос. Вы ощущаете себя коммунистом, ощущаете ту ответственность, которую взвалили на себя, вступив в партию?

– Само собой.

– А мне кажется – нет. Вам спецпереселенка, особо опасный элемент, дороже партии. Леонид Мартынович передавал вам мои слова – о возможности исключения вас из партии, за поведение, недостойное коммуниста?

– Передавал.

– Тем не менее вы не только не отказались от связи с выселенкой, но и поселили у себя мать Марты Франц. А мы, между прочим, планировали назначить вас председателем райпо. Теперь, конечно, вашу кандидатуру на этот ответственный пост придется отклонить. Если, конечно, вы прямо сейчас, до бюро, не дадите мне честное слово, что отказываетесь от связи с выселенкой, отправляете мать Марты Франц обратно в барак. Только при этом условии я могу снять с повестки дня ваше персональное дело.

Многое хотелось сказать Алексею секретарю, но он сдержался, боясь навредить Марте:

– Я не могу понять, чем любовь к женщине мешает райкому и лично вам?

– Не утрируйте, Алексеев, не просто к женщине, не просто, и мешает не мне, а дискредитирует районную партийную организацию. Так вы даете слово?

– Нет.

– Напрасно. Вы еще ой как пожалеете об этом. У вас был шанс все поправить, но вы им не воспользовались. Для начала, может, и отделаетесь выговором, но если будете упорствовать – вылетите из партии. Это я вам гарантирую. Место председателя райпо вам тоже не видать, да, пожалуй, распрощаетесь и с должностью, которую занимаете. А ведь вы молодой растущий коммунист, у вас все впереди. Такие перспективы. И все терять ради какой-то...

– Она не какая-то!

– Идите, Алексеев, разговор окончен. Вашему отцу было бы стыдно за вас.

– Не думаю. Он был умным человеком.

– Что вы хотите этим сказать? – вскинулся Шипицин.

– То, что сказал: мой отец был умным человеком.

– Не завидую я вашему будущему, Алексеев.

– Вы что, гадаете на картах? – все же не выдержал Алексеев, внутри у него все кипело от гнева.

– Что?

– Вы сказали, что знаете мое будущее. Вот я и подумал...

– Идите!

На бюро за выговор Алексееву проголосовали единогласно. Большую роль сыграла пламенная речь Дрюкова о потере бдительности коммунистом Алексеевым...

Возвращались тоже втроем, Трубицин с Сомовым говорили, что Шипицин не прав, ругая их за низкую производительность. Что могут женщины? И непонятно молчание начальника леспромхоза, он-то в курсе, что большего с таким контингентом не сделать. Хорошо, пообещали прислать вербованных...

Но недалеко от лесоучастка Сомов неожиданно переменял разговор:

– Странно, но почему-то влюбленным всегда кто-то или что-то мешает. Всегда что-то надо преодолевать. И преодолевают, кстати, не все. Многие отступают под напором обстоятельств.

– Я не понял, на что ты намекаешь. Не согласен с решением бюро? – спросил Трубицин и оглянулся на сидевшего сзади Алексеева.

– Сергей Сергеевич, не надо передергивать. В данном случае я говорю о другом. Вспомните Ромео и Джульетту, Тристана и Изольду. Да возьмем моего брата Сашку, он младше меня на четыре года. Вздумалось ему влюбиться в дочку декана, а тот уже подобрал для нее достойного, на его взгляд, мужика. Сашка что, нищий студент, отца нет, мать у нас служащая. Но это не повод, чтоб отговорить дочь, и декан ей заявил, Сашка хитрит, просто хочет таким способом облегчить себе учебу и пролезть в аспирантуру. А в любовь он просто играет. Та передала разговор Сашке, Сашка психанул, перевелся в другой институт и сделал дочке декана предложение. Мама, конечно, была против женитьбы – вот после института пожалуйте. Но Сашка ее уговорил. А вот декан с супружницей ни в какую. Тогда дочка головой в петлю. Успели, откачали. Мать ее в больницу, сердце прихватило. А отец по-прежнему, нет, и все, не надо нам такого зятя. Тогда она уходит из дому, Сашка бросает институт и идет работать на оборонный завод, всю войну там отработал. Ютятся с двумя детьми в однокомнатной квартире, и счастливы. А дочка декана так с родителями и не помирилась. Характер.

– И что же вы предлагаете? Ведь вы говорите о другом. Какая выходит мораль из вашей басни? Что надо быть выше обстоятельств? Я вас правильно понял?

– Так точно. У каждого есть выбор. Все зависит от самого человека, а не от обстоятельств.

– Но не всегда это приводит к хорошему концу, как в вашей сказке. Часто это приводит к большому горю или даже смерти.

– Но хоть на короткое время они бывают счастливы. Если по-настоящему любишь, то не отступишься. Возьмем наших классиков...

– Возьмем лучше вас, Иван Егорович, – когда Трубицин начинал с кем-то спорить, он всегда переходил на «вы». – Как сложилось у вас с женой?

– Прекрасно. Нам никто не мешал. Ни пересуды соседей и знакомых – я был у Софьи первым мужчиной. Ни ее родители – мы дружили семьями. Ни власти – мы оба были примерными комсомольцами. Тихо, мирно справили свадьбу, – Сомов помолчал и добавил. – Может, потому так скучно и живем.

– Так это и хорошо, вам что, подавай страсти-мордасти?

– Не мешало бы. Сладкое тоже надоедает.

– Да уж... Верно сказано, человеку не угодишь...

Трубицин высадил Сомова возле конторы лесоучастка и вызвался подвезти Алексеева до дому. Только отъехали от конторы, Трубицин сказал:

– Не слушай Сомова, хорошо красиво рассуждать, когда тебе никто не угрожает. Обычно в сказках она сидит в темнице, а он едет спасать ее по лесам, по долинам. И спасает. А в жизни иное, он любит, и из-за этого ее сажают в темницу. И никакой серый волк не поможет ее спасти. Я голосовал за выговор, хотя совсем не против отношений коммуниста и выселенки. Я голосовал, чтобы ты задумался, потому что жалко Марту. Она ведь на свободе долго не пробудет, посадят снова. Ты отступись, пожалей Марту. Против обстоятельств не попрешь. Хочется тебе с Мартой как-то помочь, да не в моей власти. – Трубицин остановил машину. – Передай привет Матрене Платоновне. А вот и Модун, учуял хозяина. Ну и вымахал, растет не по дням, а по часам. В детстве все просил родителей, чтобы собаку подарили, так и прожил без нее. Ну, бывай!

Алексеев, не заходя домой, присел на лавочку возле ворот, Модун тут же положил ему голову на колени. Это что же получается? Трубицин голосовал за выговор, потому что пожалел Марту и как бы защищал ее от меня. И что теперь? Раз Смирнов сказал – рубить, в районе будут стараться и снова упекут Марту в тюрьму. Что мне делать? Отказаться от нее? Сказать, когда вернется, что между нами все кончено? Но делать это надо было раньше, тогда бы и Марта не сидела в тюрьме. Да и почему он решает один? Порвать отношения, когда Марта понесла такое наказание, не будет ли это выглядеть подлостью? Особенно теперь, когда ему вынесли выговор. Все подумают, Алексеев испугался исключения из партии, боится потерять должность. Боже, о чем я думаю! Как мне в будущем убереечь Марту? Есть только один выход – отказаться от нее. Но как тогда жить? Он опять думает о себе. Но что тогда делать?

До самого приезда Марты Алексеев будет задавать себе этот вопрос, на который не было ответа.

О том, что Алексееву дали выговор по партийной линии за его любовь к Марте Франц, село и лесоучасток узнали уже на следующий день. И отнеслись к этому по-разному, одни говорили – пора Гане с Мартой рвать, зачем напрашиваться на неприятности, сначала выговор, потом вообще из партии исключат. Да и что, других баб нет? Были и такие, что восхищались – вот это любовь! Но тоже считали, лучше власти не дразнить. И никто не сказал: а какое дело райкому до любви Гани, разве в районе нет других дел? И никто не верил, что Ганя и Марта будут вместе. Плетью обуха не перешибешь. А Семен Хорошев во всеуслышание заявил, лично он, будь его воля, за связь с фашисткой сразу бы выгонял из партии.

Пока все судачили об этом, неожиданно для сельчан женился Николай Соловьев на спецпереселенке Марии Кнабе. И если почти все были на стороне Алексеева и Марты, то Соловьева осудили – фронтовик, а с немкой связался. Больше всех горячился Хорошев:

– Это что же, люди добрые, делается? Наши бабы мужиков на фронте потеряли, рожать не от кого, а фашистки последних русских мужиков забирают. Сучки недобитые! И кто у них родится? Полуфашисты!

Родители Николая были против женитьбы сына на немке и сразу заявили, невесткой они Марию не признают, и она никогда не переступит порог их дома. И просили Николая не позорить их. Николай лишь отмалчивался и почти не бывал дома.

Свадьбу справили в доме Егора Васильевича Бердникова, он приходился дядей Николаю. С немецкой стороны была лишь мать Марии, из гостей: Алексеев, Новоселова, Адам и одноногий Иван Балаев, с ним Николай уходил на фронт. Приехал из райцентра и старший брат Николая, Михаил.

У Бердниковых молодые временно и поселились.

Долго спорили в селе об этой женитьбе, высказались все. Сказал свое слово и Ножигов, когда посетил контору сельпо. Правда, привело его сюда совсем другое, о чем он сразу же с порога и заявил:

– Здравствуй! Руку тебе не подаю, знаю, зол на меня и не пожмешь. Я к тебе на минутку и по делу. У Лизы Воробьевой муж вернулся. Жорик. Отсидел срок. Ты скажи сторожам, пусть будут повнимательней. Сам знаешь, горбатого могила исправит.

– За что он сидел? – поинтересовался Алексеев. Жорика он помнил, но за что посадили, не знал.

– Грабеж, убийство сторожа. Всю жизнь по тюрьмам. Выйдет, избьет хорошенько жену, заделает очередного ребенка и назад. И сейчас недолго на свободе походит. Для таких, как он, тюрьма дом родной. Сидел бы он еще, да в тот раз убийство на себя его напарник взял. У них своя иерархия.

Ножигов снял фуражку, вытер вспотевший лоб платком:

– Знаешь, Гавриил Семенович, я не против женитьбы Соловьева, плохо то, что он твой подчиненный. Это тебе минус. Налицо потеря бдительности и плохое влияние на подчиненных.

– Тебя-то почему это заботит?

– Да потому, что я не враг тебе. Да и Марте. Это, конечно, трудно объяснить, да пожалуй, и не надо. Ты сам все понимаешь. Вернется Марта, сделайте хотя бы вид, что разбежались. Ты же ее снова упечешь в тюрьму. А о разговоре в лесу забудь. Погорячился я... Да и с Мартой, все так сложно. Но как человек, я на вашей стороне. Ладно, работай, не буду мешать, – Ножигов шагнул к двери, ударился лбом о притолоку, матерно выругался и вышел.

Алексеев двинулся следом, видимо, что-то хотел сказать, но вернулся и с силой стукнул кулаком по столу. Они что, сговорились? Один просит пожалеть Марту. И второй приперся. Все сделал, чтобы она села, а получается, с его слов, это я упек Марту в тюрьму и собираюсь сделать подобное снова. Все заботятся о Марте, все хотят оградить ее от меня, как кобылицу от распаленного жеребца. Хорошо Николаю, никто не вмешивается в его жизнь. Появятся дети – простят и родители. Привыкнет и деревня. Никто не осудит и Нину Саморцеву, если она выйдет замуж за Ивана Шмидта – у них все к этому и идет. Лишь только он районному начальству как бельмо в глазу. И где-то в потаенном уголке сознания мелькнула мысль – не вступил бы в партию и никто не мешал бы его счастью. Но Алексеев тут же отогнал ее.

Еще в детстве Алексеев решил: он будет таким, как отец, и жизни не пожалеет за Советскую власть. Вступил в комсомол, потом в партию. С первых же дней войны просился на фронт, но каждый раз его просьбу отклоняли, мотивируя тем, что кому-то надо работать и в тылу. И он работал и жил, не марая высокое звание коммуниста, и вот теперь одни ему заявляют – он дискредитировал районную партийную организацию, другие уговаривают не губить Марту, отказаться от нее. Интересно, как бы поступил на его месте отец?

И вечером Алексеев задал этот вопрос матери. Ее ответ ничего не прояснил:

– Я тебе уже говорила.

– Помню. В первую очередь надо думать о других, а уж потом о себе. Но это не дает ответа на мой вопрос. Я могу поступить и так и этак, и в обоих случаях руководствоваться папиным изречением. А где истина?

– В твоём сердце.

Чем меньше оставалось времени до возвращения Марты, тем тоскливей становилось у него на душе. Сегодня он твердо решал, что порвет с Мартой – не нужно гробить ей жизнь, завтра же хватался за голову. Зачем жить, если рядом не будет Марты? Да он с ума сойдет.

В середине сентября, когда гора на той стороне Лены покрылась желтыми пятнами увядания, а над рекой серебряными нитями полетела паутина, в контору вбежал запыхавшийся Николай, оперся о стол и выдохнул:

– Марта вернулась!

У Алексеева перехватило дыхание, он вскочил, но тут же снова сел:

– Когда?

– Только что. Мне Мария сказала.

– Ясно, – Алексееву хотелось все бросить и бежать к Марте, но он, сдерживая себя, спросил:

– С печью закончили?

– Что? – не понял Николай, удивленно глядя на Алексеева.

– С печью закончили?

– Сегодня разделаемся. Голубцова уже приходила, смотрела, не терпит в новую пекарню переехать. Ладно, я пошел, Адам без меня как без рук.

Только Николай ушел, появилась Новоселова, радостно сообщила:

– Ганя! Говорят, Марта Франц вернулась. Радость-то какая! А я сразу не поняла, о ком речь...

– Я знаю, Николай уже сказал.

– Знаете, так чего сидите?

– Я на работе.

– А, – протянула Новоселова, задом отступила к двери и тихо прикрыла ее за собой.

Приехала, приехала, приехала! Музыка звучали эти слова в душе Алексеева, но, заглушая их, кричал вопрос: что делать?! Как держать себя при встрече? Что говорить? Он должен, должен ради Марты отказаться от нее. Ведь в следующий раз ей обязательно увеличат срок.

Обычно рабочие дни у Алексеева растягивались до позднего вечера, но в этот раз он ушел вовремя. Задержка выглядела бы слишком вызывающей. Марта, конечно, уже у них дома. Спросила у немцев, где мать, и пришла.

Шел, не замечая никого вокруг, машинально отвечая на приветствия, пока не окликнула Воробьева Лиза – один глаз у нее заплыл и ярко синел, нос опух, губы разбиты:

– Здравствуй, Ганя! Слышал, Марта приехала, – слова давались ей с трудом.

– Кто тебя так?

– Мой постарался. За несправедно прожитую жизнь в его отсутствие. Порешу его, Бог свидетель, порешу. Изверга проклятого. Кончается мое терпение, сил больше нет такое выносить. Ну, не буду задерживать. Дай Бог вам с Мартой счастья! Марта его заслужила.

Прихрамывая, Лиза пошла дальше, а Алексеев подумал, Жорик, скотина, на виду у всех бьет жену, и не он один, таких извергов тысячи, сотни тысяч, и никого это не касается. Вот бы где райкому вмешаться. Запретить таким фашистам, как Жорик, иметь жен. Нет, они лучше разрушат семью, где властвует любовь и согласие...

Прежде чем войти во двор, Алексеев оглядел себя, пригладил жесткие, непокорные волосы и толкнул калитку. Мимоходом погладил Модуна, дошел до дома на ватных ногах...

– Была Марта, была, – ответила на его немой вопрос Матрена Платоновна. – Забрала Августу Генриховну и ушла. Даже чай пить не стала. Нечего, говорит, нам по чужим углам скитаться. Вот так. Правда, спасибо, что ее мать не забыли, сказала. Расцеловала меня, – Матрена Платоновна улыбнулась, – хорошая девушка, ласковая...

Значит, ушла. Вот все и определилось, и решать ничего не надо, устало подумал Алексеев, Марта сама все решила.

– Похудела, однако, сильно. И хромает.

– Хромает? Почему?

– Их там тоже на лесозаготовки посылали, вот в лесу и случилось, а как, не сказала. Срослась нога неправильно. Хромота на всю жизнь. Садись, будем ужинать. Модуна я уже покормила. Молодец, на Марту не лаял, сразу за свою признал, а ведь она всего несколько раз у нас была. Умный пес.

Ужинали молча, Алексеев видел, мать что-то хочет спросить, и, зная что, торопливо поел и вышел на крыльцо. К нему тут же подбежал Модун, положил голову на колени. Поглаживая пса, Алексеев подумал, три месяца он ломал голову, как правильно ему поступить, а все решилось в один день.

Подошла мать, постояла и снова зашла в дом, но тут же вернулась:

– Ты к Марте идти не собираешься?

– Зачем? Марта своим уходом – могла бы меня дождаться – ясно дала понять, между нами все кончено. И правильно сделала. Пострадала-то она из-за меня, вся ее вина подстроена Ножиговым. В тюрьме она подумала и пришла к выводу – вместе нам нельзя.

– Какой же ты у меня еще дурачок, – Матрена Платоновна легонько толкнула сына в затылок. – Марта судима и думает, что тебе, коммунисту, она теперь не пара, да к тому же еще хромоножка. Вот и не хочет к тебе навязываться. Ждет первых шагов от тебя, от мужчины. Как и должно быть. И было всегда, с начала времен.

– Чтоб ее снова из-за меня посадили? Сама же говорила – отец в первую очередь думал о других, а уж потом о себе.

– Говорила. Но ты, однако, думаешь о себе, – Матрена Платоновна ушла в дом, хлопнув дверью.

Опять виноват. И так виноват, и этак. Да он давно бы был у Марты, если бы не знал, чем это ей грозит. Нет, Марта больше из-за него не пострадает.

И вроде бы решил окончательно, но промучился всю ночь, не представляя, как он будет жить без Марты.

А жизнь текла своим чередом, запустили новую пекарню, достроили склады. А тут еще нагрянула ревизионная комиссия из района. Крутился, не передохнуть. И это отвлекало от мыслей о Марте. Зато ночами только о ней и думал.

В лесоучастке из-за занятости не появлялся, да это, как он считал, и к лучшему – не встретит Марту. На работе всякое упоминание о ней пресекал, попытался было Николай завести о ней разговор, но Алексеев так раскричался... Николай сильно обиделся и замолчал, как Адам. А Новоселова, глядя на Алексеева, лишь тяжело вздыхала.

Но встречи с Мартой избежать не удалось. Шел к Сомову договориться насчет рыбалки, начался осенний ледоход, и рыба от шума пряталась в курьи и небольшие заливчики, которые уже покрылись льдом. Обычно, во время такой рыбалки, сети ломались от рыбы. Главное было угадать время.

Марту заметил издали, шла навстречу, сильно припадая на правую ногу. Можно было свернуть, но рано или поздно встречи было не избежать... Сердце Алексеева готово было выскочить из груди, поздоровался за несколько шагов, взглядываясь в любимое лицо:

– Здравствуй, Марта!

– Здравствуйте, Гавриил Семенович! – Марта держалась спокойно-равнодушно. – Давно хотела вас спросить. Сколько мы должны за маму?

Онемевший Алексеев не сразу понял, о чем речь:

– Кому должны?

– Вам. За то, что кормили и ухаживали за мамой.

– Зачем ты так? Мы были ей рады. Маме вдвоем веселей, а то целыми днями одна дома сидела. Кроме того, Августа Генриховна помогала маме по хозяйству, так что это мы вам должны. Как твоя нога?

– Нормально. Так и останусь хромоножкой.

– Как это случилось?

– Вам это будет неинтересно.

– Здравствуйте! Не помешал? – незаметно подошедший Ножигов строго глянул на спецпереселенку. – Марта, ты когда выйдешь на работу?

– На днях. У меня больничный.

– Смотри, без талонов останешься.

– До свидания! – Марта обошла загораживающего ей дорогу коменданта.

– До свидания! – Ножигов проводил ее взглядом, вздохнул. – Не повезло бабе. Извини, что помешал, но тут такое дело. Появился на лесоучастке некий Хмуров, бывший подельник Жорика. С Жориком не встречался, крутится среди вербованных, вроде бы собирается устроиться на работу в лесоучасток. Но меня не обманешь, у меня на такие дела нюх. Собираются они с Жориком грабануть кого-то. В кассе лесоучастка денег нет, и вообще, поживиться нечем. Значит, тебя. Кто в ночь заступает?

– Слепцов.

– Надо ему помощника, ночки на две. Да и днем остерегайтесь, Жорик наглый, может и среди бела дня нагрянуть, кругом тайга, чуть отошел – и попробуй, найди. Я бы таких вообще из тюрьмы не выпускал. Ты куда направлялся?

– Да уже передумал. Пойду, поговорю с грузчиками, кто согласится со Слепцовым дежурить.

– Ты же начальник, назначь любого.

– Мне видней, что делать.

– Ну, тогда пока. Действуй.

Ладно, рыбалка подождет, за два дня ничего не изменится, только рыбы больше набьется в курьи. Вечно этот комендант появляется внезапно и не к месту, как абаасы. Неужели Марта действительно собралась отдавать деньги за мать? Нет, конечно. Она злится на меня и хотела этим оскорбить. Но за что? За то, что ее посадили из-за меня? Или за то, что прервал отношения? Может, все же зайти к Марте, поговорить? Ну что он дергается, решил ведь.

Не было, не было покоя в душе у Алексеева.

Дежурить со Слепцовым вызвался Николай.

Склады тянулись от магазина до самой пекарни. Старые, дореволюционные амбары с галерей, принадлежавшие раньше купцу Авдееву, соседствовали с новостройками попроще. В темное время склады освещались керосиновыми лампами, и в летнее время на их тусклый свет слетались ночные жители: бабочки, букашки – гибли одни, их заменяли другие. До самого рассвета шла эта жестокая игра.

Слепцов и Николай договорились затаиться в разных концах территории. Слепцов был вооружен дробовиком, Николай надеялся на свой кулак.

Село медленно отходило ко сну, смолкли ребячьи голоса, недалеко испуганно затыкала собака, и уже в наступившей тишине раздались звуки гармошки. Семен Хорошев, невзирая на мороз, все же конец октября, затаил «Катюшу». Но и он, закончив выступление «Варягом», затих.

Николай стал уже дремать, как совсем рядом кто-то стал влезать на забор, огораживающий склады, вот неизвестный перекинул через забор ногу и стал прислушиваться. Убедившись, что опасности нет, прыгнул на землю, и тут же кулак Николая отправил его в нокаут. Николай взял вора за шиворот и потащил в сторону Слепцова. Не зная, что там разыгрывается трагедия... Вместе с Хмуровым, которого обезвредил Николай, на территорию складов с другого конца проник Жорик и сразу же оказался на прицеле у Слепцова. Но растерянность Жорика длилась недолго:

– Здравствуй, огонер! Закурить не дашь?

– Давай, парень, ходи обратно. Стрелять буду.

– Стрелять? А что я такого сделал? Что, и курить уже запретили? – Жорик медленно подходил к Слепцову.

– Стрелять буду, – повторил Слепцов. – Уходи.

– В тюрьму посадят за убийство. Дай закурить, и я уйду. – Жорика, прячущего в рукаве нож, отделяло от Слепцова уже несколько шагов.

Слепцов, старый опытный охотник, не раз выходивший один на один с медведем, не мог выстрелить в человека, хотя и понимал, чем это грозит, и погиб, так и не нажав на курок.

Николай заметил происходящее слишком поздно, когда ружье уже было в руках Жорика. Дважды стрелял бандит в Николая, и оба раза Николай, как щитом, прикрывался Хмуровым. Жорик, бросив ружье, перескочил через забор, Николаю, с одной рукой, сделать это было трудно.

Многие недоумевали, почему Слепцов не выстрелил в Жорика. Когда спросили об этом у Алексеева, тот чуть не накричал:

– Почему? Почему? Да потому, что не должен человек стрелять в человека. Не должен, если он настоящий человек.

На похоронах Николай чуть не расплакался и все твердил, что в смерти Слепцова виноват он.

Возвращаясь с похорон Слепцова, Алексеев подумал, надо же, какую смерть старому охотнику определил Дьылга Тойон – бог судьбы. Интересно, а что он приготовил для него, и сразу вспомнил предупреждение Сомова, высказанное им на охоте. Конечно, ничто не мешает Ножигову сдать его в НКВД, посадил Марту, так почему бы ему то же самое не проделать со мной. Опыт есть. Но тут же Алексеев успокоил себя, главное, Марте ничто не угрожает.

Алексеев ошибался.

В район снова наведался товарищ Смирнов из области, опять же по линии лесозаготовок. Вызвали всех начальников лесоучастков, партторгов, комендантов... После совещания Смирнов, как бы предупреждая, что он все помнит, ничего не забывает, спросил:

– Как ваш Ромео, как его, Алексеев, кажется, поставили на правильный путь?

Секретарь райкома глянул на Ножигова, но пока комендант тяжело поднимался, застряв между столом и стулом, Дрюков отрапортовал:

– Марта Франц, на которой Алексеев собирается жениться, на днях вышла из тюрьмы, и они продолжают свои любовные отношения. Хотя Алексеев уже получил выговор на бюро райкома за потерю бдительности.

– Упорствует, значит. Вы что, товарищи, – грозно глянул Смирнов на Шипицина, – в бириульки здесь играете? Я же в прошлый раз ясно сказал, такие вопросы решаются сразу, быстро. Раз и навсегда. Неужели непонятно?

– Все сделаем, товарищ Смирнов, недоработка вышла.

– У вас везде недоработка, и по лесозаготовкам, и по политвоспитанию коммунистов. Смотрите, придется нам делать выводы. Я доложу товарищу Масленникову. Секретарь обкома и так недоволен тем, как идут дела в вашем районе. Вместо того, чтобы... – Смирнов еще долго и складно говорил, хмурия брови, и окончательно запугал Шипицина.

И прежде чем удалиться со Смирновым, Шипицин успел шепнуть Дрюкову и Ножигову:

– Делайте, что хотите. Кровь из носу, но эту парочку надо развести раз и навсегда. Считайте это партийным заданием.

– Сделаем, – уверенно сказал Дрюков. – Больше этот вопрос не возникнет. Мы...

– А вот подробности меня не интересуют, – Шипицин поспешил к оглянувшемуся Смирнову.

– Испугался подробностей. Все они так. Хотят быть чистенькими. А я всего лишь хотел сказать, что мы с Леонидом Мартыновичем подумаем.

– Откуда ты взял, что Алексеев поддерживает с Мартой отношения? – спросил Ножигов. – Они давно врозь.

– Чувствую. Они просто затаились. А ты, поди, хотел успокоить Смирнова, сказать, что Алексеев встал на правильный путь?

– Угадал.

– Значит, я правильно сделал, что вмешался. Алексеев так просто от меня не отделается. А у меня, брат, плохие новости. Хуже некуда.

– У тебя – плохие?

– Собираются меня турнуть с должности. Служил верой и правдой и дождался.

– Не может быть. Фаину, три года прошло, как посадили. Почему раньше не сняли?

– Да тут под меня эта сволочь, председатель райисполкома, копает. Был однажды между нами неприятный момент, правда, без свидетелей. О Тоньке сказал плохое, ну, я ему и врезал от души. Выгонят. И куда мне податься? Я больше ничего не умею, как ловить воров и бандитов. Вся моя жизнь в органах, три ранения. Семью из-за этого потерял... да ты знаешь...

Ножигов знал, сам же Дрюков и рассказал как-то в минуту откровения, но вкратце. Подробности Ножигов услышал от других. Семью Дрюкова убили бандиты, мать, жену и двоих сыновей. Мстили за своих поделщиков, пойманных перед этим Дрюковым. Говорили, Дрюков не проронил ни слезинки, но именно тогда и появились у него седые волосы. Хоронили мать и жену с детьми без Дрюкова, он преследовал бандитов, которые после преступления поспешили покинуть райцентр. Дрюков догнал и уничтожил всех, но прежде, чем убить, он делал с ними такое, что присутствовавшие при этом милиционеры предпочитали и не вспоминать. Вернувшись, Дрюков недели две пил и плакал, видевшие его в это время думали, что он сошел с ума. Несколько лет после этого Дрюков при задержании никого не оставлял в живых. Но потом встретил Антонида Власовну и немного помягчел...

– Тонька меня точно бросит. Привыкла к хорошей жизни.

– Почему ты так уверен в этом?

– А ты посмотри на нее и на меня... Ей давно надо было послать меня подальше, с ее фигурой, телом... И как я без нее? Последняя зацепка в жизни была. И вот все рушится. А началось с Алексеева, с него эти неприятности. Знал ведь, чья Фаина сестра. Так прежде чем ее арестовывать, пришел бы ко мне, так, мол, и так, подозреваю вашу сестру в ... – Дрюков запнулся и зло скривился, – я бы с Фаиной поговорил, разобрался. Да и не виновата она, это я точно знаю. Алексеев, скотина, ее вместо себя подставил. У них, якутов, обычно родни много, вот и порастащили по наследгам. Ничего, он мне еще ответит и за Фаину и за все остальное.

И тут Ножигов чуть не сказал, проникнувшись несчастьем Дрюкова, что Алексеев полностью в его власти. Одно слово, и загремит туда, откуда не возвращаются. Отметины от дробы до сих пор на ноге. Ножигов даже открыл рот, чтоб сказать, но промолчал. Он вообще не понимал себя, воспоминания о Вере Головиной выбили его из колеи, заставили взглянуть на все другими глазами.

– Выследил я тут одного человечка, – шепнул Дрюков. – Он нам и поможет.

Ножигов хотел спросить, что за человечек, но глянул на Дрюкова, все сразу понял и промолчал.

– Может, зайдешь ко мне? Пропустим по стаканчику.

– Времени нет. Сомов с Трубициным ждать не будут. Зайду, когда один приеду.

– Жалко. Ладно, езжай, агитируй свою немчурку, пусть повышают производительность труда. Смешно было слушать Смирнова, хоть бы остался на неделю, посмотрел, как заготавливают лес. Агитируйте. Что, после этого новые руки вырастут? Наказывать надо, не выполнил норму – получи. А таких, как Алексеев, вообще вешать. Ничего, он еще пожалеет, что посадил Фаину, – Дрюков скрипнул зубами, протянул Ножигову руку. – Бывай. А мне с человечком еще надо разъяснительную работу провести. Ужасный тип.

Тут бы Ножигову и спросить, что за тип. Но, действуя по правилу, меньше знаешь – дольше живешь, он не сделал этого и всю дорогу до села клял себя.

После ареста Головина отец Ножигова еще долго бледнел, когда вечерами звонили в дверь, а мать хваталась за сердце. А сколько упреков услышал он в свой адрес, что не послушал их, не обратил внимания на Зину, а таскался с этой... Но что ему были упреки родителей, если он сам проклял себя за свое предательство? И если бы можно было повернуть время вспять, ни за что бы не бросил Веру в беде. И самое страшное заключалось в том, что ничего нельзя было исправить.

Головин, у него были проблемы с сердцем, умер в тюрьме, а когда Вера была на сносях, арестовали ее мать. От бывших сокурсников Ножигов узнал: Вера уехала к тетке в деревню. А через полгода страшная весть – Вера покончила с собой. И Ножигов, закрывшись в комнате, плакал навзрыд, смерть Веры была на его совести. Он так и не узнал, родила Вера или нет, не у кого было спросить адрес тетки. И если родила, то у кого ребенок? Это мучило Ножигова, несколько раз ему приснился то ли родившийся, то ли не родившийся, сын. А вот Вера – ни разу.

Через два года он женился на Зине. И понемногу боль притупилась. Но Алексеев с Мартой вновь напомнили о его предательстве, и все последние месяцы он был сам не свой. И не раз ловил тревожные взгляды Зины. Не хотелось и сегодня портить ей настроение, и он не отказался от предложения Сомова зайти, выпить чайку.

После Сомова домой не пошел, закрылся в комендатуре. Мысли его были об одном, если он допустит, чтоб Марта Франц погибла, он совершит еще одно предательство. И чтоб этого не случилось, надо было что-то предпринимать. Но кто этот человек Дрюкова? Скорей всего, уголовник, не будет же Дрюков посылать милиционера на такое. Может, его человек среди вербованных, прибывших в начале августа? Пожалуй, нет. Дрюков собирался провести с «ужасным типом» беседу, значит, он пока в райцентре. А в село никто не замеченным не появится. Придется ждать, другого выхода нет.

Но ждать не пришлось. Уже на следующее утро Ножигов встретил Лизу Воробьеву, лицо которой еще хранило следы побоев, и сразу понял, человек Дрюкова – Жорик. И не ошибся, именно на встречу с Жориком собирался вчера Дрюков.

После убийства Слепцова Жорик бесследно исчез. Но Дрюков точно знал, что Жорик в райцентре, не в отдаленном зимовье, не в подполе у родной жenuшки или соседей, а здесь. А вот у кого он затаился, надо было выяснить. Родная тетка отпадала, у нее Жорика повязали в прошлый раз. К друзьям он тоже не пойдет. Дрюков перебрал адреса, где бы мог хорониться Жорик, и пришел к неожиданному выводу – бандит прячется у буфетчицы Варвары, у которой полгода назад посадили мужа. За самой Варварой криминала не числилось, а вот муженек сидел вместе с Жориком и мог через него передать Варваре привет. А где привет, там и знакомство...

И Дрюков немедленно отправился в чайную... Когда он возник перед Варварой, она отпрянула своим полным, привлекательным для мужчин телом и покраснела так, что не стало видно веснушек, и не сразу поняла, что желает купить начальник милиции. И Дрюкову пришлось во второй раз попросить пачку «Беломора». Рассчитался и тут же ушел, делая вид, что не заметил, как Варвара испугалась. Его предположение оказалось верным – Жорик у Варвары.

И когда после совещания Шипицин потребовал раз и навсегда развести Алексеева и Марту Франц, Дрюков уже знал, как это он сделает и с чьей помощью.

И как стемнело, двинул к Варваре. Жила она вместе с матерью, дочь вышла замуж и укатила с мужем на прииск. (Дрюков знал все обо всех, у него была отличная память, что не раз помогало ему в работе). Зашел во двор не через калитку, а с задов, быстро пересек сени и вошел в дом. Жорик, Варвара и ее старенькая мать только сели ужинать, на столе стояли две непечатые бутылки водки. Жорик резко поднялся, но Дрюков, помахав ладонью, усадил его на место.

– Здравствуйте! Хлеб да соль!

– Едим свой, – пробурчал Жорик.

А вот бабка отозвалась доброжелательно:

– Здравствуй, Алексей Станиславович, садись, поужинай с нами. Варвара, стул.

– Спасибо! Не откажусь.

Варвара быстро вскочила, принесла стул.

– Садитесь.

– Варвара, разливай, – скомандовала бабка. – Не откажешься принять водочки, Алексей Станиславович?

– Рабочий день закончился, можно и выпить.

Жорик скосил глаза в окно, от Дрюкова это не ускользнуло:

– Беспокоишься за моих ребят? Пусть постоят – молодые. Да и морозец так себе.

– Да я так... – промямлил Жорик.

– За здоровье хозяек! – поднял стакан Дрюков.

Выпили, и Дрюков сказал:

– Закусывай, Жорик, хорошенько. Когда еще домашнего поешь? Хоть будет что вспомнить.

Разлили по второй. Дрюков спрашивал о дочери, пишет ли, как живет с мужем, какие на прииске заработки? Бабка охотно отвечала, а вот Варвара была напряжена, как и Жорик. И слегка расслабилась, когда Дрюков позвал Жорика покурить:

– Я вашего гостя заберу минут на пять, поговорить надо. Пошли, Жорик, покурим на свежем воздухе.

Вышли на крыльцо, Дрюков достал пачку «Беломора»:

– Кури.

И давая Жорику прикурить, спросил:

– Зачем старика Слепцова убил? Проще было уйти.

– Никого убивать я не собирался. Слепцов обычно возле среднего склада топтался. Хотели его слегка оглушить, забрать кое-какой товар, затырить его на время, пока буча утихнет. Я через забор глянул – никого. А он, старый хрен, в засаде сидел. Что было делать? Опять на нары?

– А потом зачем стрелял? Убил Хмурого.

Жорик потянулся к голенищу, но Дрюков предупредил:

– А вот этого не надо делать. Хочешь, чтоб я тебе шею свернул? Забыл, с кем имеешь дело?

– Да я так, гражданин начальник. Нога зачесалась.

– С тобой культурно разговаривают, а ты ногу собрался чесать. Нехорошо, Жорик.

– Виноват, гражданин начальник.

– Так зачем стрелял?

– Да кто же знал, что они второго сторожа поставили? Николай меня увидел, вот и хотел свидетеля убрать. А он, бугай, Хмурым прикрылся. Ну а с ножом против него, что против трактора, хоть и однорукый.

– Что собирался делать? Куда бежать?

– Еще не решил, вот думал, где деньжатами разжиться. Без них хода нет.

– Тебе бы еще документы хорошие, на какого-нибудь Успенского Илью Спиридоновича.

– Где же я их возьму? И почему на Успенского?

– Да он умер на днях.

– Что-то ты темнишь, гражданин начальник. А что, понять не могу. Жалко, водку не допили.

– Успеешь, вечер длинный.

– Не томи, гражданин начальник, девку. И так вся промежность мокра.

– Да вот думаю доверить тебе одну работенку, да боюсь, подведешь.

– Я? Никогда! Век воли не видать.

– Работенка непростая.

– Понятно. Что взамен?

– Свобода и хорошие документы. Иди на все четыре стороны, и больше сюда ни ногой.

– Не дурак. Зачем мне в петлю лезть?

– Знаешь на лесочастке Марту Франц?
– Хромоножка? Кто ее не знает. Лизка все уши прожужжала. Ах, какая любовь! Дура. А ты что, гражданин начальник, к Ганьке приревновал? Девка-то обыкновенная, с твоей не сравнить, нет в Марте этого...

– Шарма?

– Не знаю, что это такое. Бабьего нет, – Жорик раскинул руки возле бедер. – Ее, что ли, завалить?

– Ее. Вернешься, пошлешь ко мне Варвару. Получишь документы и дуй, куда хочешь. Но если обманешь – пожалеешь.

– Слово вора, гражданин начальник. Ты не обмани.

– Забываешься, Жорик.

– Извиняйте, гражданин начальник.

– Выдвигайся этой ночью. Смотри, раньше времени в селе не засветись.

– Ученого учить – только портить. Я у Лизки, как у черта за пазухой.

– Ладно, можешь идти допивать.

Дрюков никогда бы не стал так рисковать, если бы не знал, что ходит в начальниках милиции последние денечки. Сначала хотел заказать Алексеева, но передумал. Лучше Марту, пусть Алексеев помучается, пострадает. А убить его – он ничего и понять не сможет.

Как только Ножигов определился с человеком Дрюкова, так сразу переговорил с бригадиром Бердниковым:

– Егор Васильевич, могу сказать только тебе. Есть подозрение, что Марту Франц хотят убить.

– Да кому это надо, девку губить? Скажешь тоже, – не поверил Бердников.

– Да есть один. Только утверждать не могу, и доказательств нет, но сделает это, опять же только предположение – Жорик.

– Этот может.

– Ты намекни, кому доверяешь. Пусть присмотрят за Мартой. А откуда узнал, ни слова.

– Само собой. Скажу Гарейсу, он у немцев был вроде изгоя, я боялся, как бы с собой не покончил. Еще можно Ивану Шмидту и Эрику Морбе. Мужики серьезные, да и силенка есть.

– Я думаю, завтра-послезавтра надо ждать.

– Понятно. Спасибо за Марту. А я, признаться, такое про тебя думал.

– Правильно думал. Алексееву про Марту ни слова, не надо лишнего шума. И еще, убийцу надо бы задержать как бы случайно.

Бердников согласно кивнул:

– Мы тебя не подставим. Будь спокоен.

* * *

Марте дали срок, и немцы отвернулись от Гарейса, никто с ним не разговаривал, все вели себя так, словно его не было вообще. И Гарейс, понимая, что ничего нельзя изменить, исправить, решил – он недостоин жить на свете. Надо только выбрать момент, сделать так, чтоб никто не помешал. И во время работы на лесоделяне незаметно отошел в сторону и углубился в чашу, заранее прихватив веревку. Но, оказывается, был человек, который следил за ним – бригадир Бердников. Подошел, поглядел, как Гарейс прилаживает на сук веревку, и спросил:

– Помочь?

– Да я... Все равно жить не буду!

– А башкой своей подумал, что потом будет?

– Ничего не будет. Что может быть после смерти?

– А надо было подумать. Ведь если повесишься, так виноватым и уйдешь из жизни. Так подлецом тебя и запомнят. Умереть легко. А ты живи и докажи, что просто споткнулся, а не упал, что ты человек. Конечно, трудно быть изгоем. А Марте сейчас легче? Да и когда вернется, разве в покое ее оставят. Вот, может, тогда ей твоя помощь и понадобится. А с мужиками я поговорю, негоже человека со свету сживать.

И, видимо, поговорил. В последнее время Гарейс обедал в стороне от всех, и в этот раз направился было в сторону от костра, но окликнул Морбе:

– Андрей, присоединяйся к нам.

Не сразу Гарейс подошел к ним, и не потому что показывал гонор – ждал, когда высохнут внезапно выступившие слезы.

Когда Марта, наконец-то, вернулась, Гарейс все пытался остаться с ней наедине. Однажды это удалось, и, бухнувшись перед ней на колени, он схватил ее за руку и взмолился:

– Марта! Прости меня, пожалуйста! Я сделал это, потому что любил тебя, не мог без тебя жить и думал, то есть мне так подсказали, если ты отсидишься в тюрьме, то он от тебя откажется... Ты понимаешь, о ком я говорю?

– И твой план, кажется, удался, – усмехнулась Марта, не пытаясь вырвать руку.

– Это не мой план, а коменданта... а я просто из ревности потерял голову, и ему удалось одурачить меня. Он просто воспользовался мной. А я не хотел тебе зла. Прости, Марта!

– А я на тебя и не злюсь. Благодаря твоему плану все встало на место. Это я должна упасть перед тобой на колени.

– Я не понимаю.

– И не надо.

– Ты прощаешь меня?

– Я же сказала – прощаю.

Гарейс, все так же держа Марту за руку, сказал:

– Марта, я так сильно любил тебя! Мне так хотелось, чтоб ты стала моей женой!

– А теперь расхотелось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.